

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки
на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсц. . . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсц. . . 4 р. —
Отдѣл. номера по 20 к.
Съ доставкой и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсц. . . 6 р. —
на 6 мѣсц. . . 5 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Спб. Новарской пер. д. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Спб.,
Надеждинская, д. 19, кв. 32.,
а также въ книж. маг. Воль-
фа, Нев., Гости. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александра.

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ.—Объявленіе о подпискѣ.—Кустарная промышленность Сибири.—Вѣсти съ Востока.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Енисейска, Тюмени, Фергана и Бійска.—Первобытная исторія Чуди. *Ольмерда Вильчинскаго*.—Автобіографія С. С. Шашкова.—Тайга (очеркъ изъ жизни пріисковъ рабочихъ). *Завиткова*.—Хроника жизни за недѣлю.—Замѣтка о первомъ провинціальномъ журналѣ «Уединенный Пошехонецъ». *Л. Тресфольевъ*.—Биржевыя извѣстія.—Объявленія.

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ.

27-го октября 1882 года.

Принимая въ соображеніе, что газета «Восточное Обозрѣніе», своею тенденціозностью и непрерывными нападками на сибирскую администрацію, стремится дискредитировать ее въ глазахъ мѣстнаго населенія (статья въ № 29 подъ заглавіемъ: «Новый способъ распространенія газетъ», статья въ № 30 подъ заглавіемъ: «Подкладка сибирской благотворительности», корреспонденція изъ Омска, отъ 15-го іюля въ № 24 и корреспонденція изъ Сибири въ № 28).

Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз. св. зак. т. XIV, по продолж. 1876 г., и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ «Восточное Обозрѣніе» первое предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора Николая Ядрищева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на газету

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

Цѣна за годъ 8 рублей.

Для новыхъ подписчиковъ на 1883 г. остающіеся экземпляры за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ Редакціи см. вверху.

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРИ.

Въ мѣстной сибирской печати, добросовѣстно разрабатывающей капитальные вопросы края, не разъ обращалось вниманіе на значеніе кустарной промышленности въ ряду народнаго хозяйства. Недавно мы сообщали объ экспонентахъ сибирскаго кустарнаго дѣла на Московской выставкѣ. Нынѣ мы получили весьма интересную и заслуживающую вниманія брошюру В. С. Пругавина «Кустарь на выставкѣ 1882 г.». Очерки кустарной промышленности Россіи по послѣднимъ изслѣдованіямъ частныхъ лицъ, земствъ и комиссій. Москва 1882 г. Здѣсь въ весьма поучительномъ изложеніи и параллеляхъ мы можемъ уразумѣть, насколько сильно и богато развились кустарные промыслы въ нѣкоторыхъ частяхъ Европейской Россіи и сколь слабы они у насъ въ Сибири. Вотъ какъ, на примѣръ, рисуетъ настоящая брошюра общерусское кустарное дѣло:

«Галерея кустарныхъ производствъ на выставкѣ заключала въ себѣ 27 губерній. Здѣсь собраны продукты кустарнаго труда изъ самыхъ разнообразныхъ уголковъ, градовъ и весей земли русской. Наиболѣе полныя и обстоятельныя коллекціи по кустарной промышленности мы находимъ въ отдѣлахъ: Кавказскомъ и Тверской губерніи. Кавказъ въ кустарно-промышленномъ отношеніи представляетъ много своеобразнаго и поучительнаго. Изъ производствъ, перерабатывающихъ сырые матеріалы животнаго царства, наиболѣе значительно въ Тверской губ.—кожевенное. Имъ занято въ настоящее время до 2,580 человекъ, которые перерабатываютъ около 900 тысячъ кожъ на сумму 6 милліоновъ руб. Второй, издревле существующій въ Тверской губерніи промыселъ,—это скорняжный. Имъ занято 1,500 человекъ, которые производятъ товару на 200,000 руб. въ годъ. Количество обуви, приготовляемой въ предѣлахъ Тверской губерніи, болѣе 3,000,000 паръ на сумму 7,000,000 рублей. Въ обшкновенное время въ Кимрскомъ районѣ занято сапожничествомъ до 16,000 человекъ.

«Далѣе, видную роль въ народномъ хозяйствѣ Тверской губерніи играютъ различныя производства изъ шерсти, которыми занято въ губерніи около 3,770 человекъ,

не считая 6,700 человекъ сукноваловъ, шерстобитовъ и ваяльщиковъ, ежегодно, по зимамъ, отходящихъ на сторону по всей Россіи; промыслы по обработкѣ дерева, дающіе работу болѣе, чѣмъ 8,000 кустарямъ, и производства сухой перегонки дерева, по которымъ имѣется въ губерніи 976 заводовъ съ 1,766 рабочими; почти все заводы дегтярно-смолокурные, канифольныхъ осталось не болѣе 10. Упомянемъ еще о кружевномъ производствѣ, которымъ занимаются мѣщанки городъ Торжка и Калязина (всего 1,500 человекъ), и о пеньковыхъ производствахъ, сосредоточенныхъ главнымъ образомъ въ Ржевѣ. Главнымъ кореннымъ производствомъ Тульской губерніи являются металлическіе промыслы. Они принадлежатъ къ числу самыхъ древнихъ производствъ. Существуютъ историческія указанія, что за 400 лѣтъ до нашего времени въ Тулѣ уже проживали казенные и вольные кузнецы, работавшіе различные предметы вооруженія. Въ Малороссіи и въ смежныхъ съ нею частяхъ Воронежской и Тамбовской губерній, кустарные промыслы возникли сравнительно недавно. Въ началѣ настоящаго столѣтія кустарныхъ промысловъ въ этихъ губерніяхъ совсѣмъ не существовало, такъ какъ все онѣ представляли тогда собою степной край, съ полнымъ преобладаніемъ въ немъ скотоводства надъ другими отраслями сельскаго хозяйства. Въ настоящее время, по опредѣленію г. Скиада, число кустарей Воронежской губерніи простирается до 60,000 человекъ, а сумма производства—до 8 милліоновъ руб. *)».

Сибири въ упомянутой брошюрѣ посвящено также немало вниманія, насколько позволяли данныя. Перечисливъ многія производства, существующія въ Сибири, брошюра приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«Обозрѣвая кустарную промышленность въ Сибири и ея исторію, мы находимъ, что начала ея положены во многихъ мѣстахъ очень давно, но она далеко не получила еще широкаго развитія и находится на низкой ступени. Поэтому малѣйшая конкуренція и подвозъ произведеній лучшей техники убиваетъ эти производства. Нѣкоторые промыслы вмѣсто развитія обнаруживаютъ застои и даже паденіе; иныхъ кустарныхъ промысловъ еще совсѣмъ не возникало въ Сибири, хотя для возникновенія ихъ существуетъ много благоприятствующихъ условій. Разсматривая причины паденія и исчезновенія нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ, мы замѣчаемъ, что оно совершается: 1) подъ вліяніемъ замѣны ихъ крупною заводскою промышленностью; 2) подъ вліяніемъ конкуренціи болѣе дешевыхъ и удобныхъ для потребленія произведеній, привозимыхъ изъ-за Урала, создаваемыхъ уже утвердившимися кустарными промыслами въ губерніяхъ Европейской Россіи; 3) подъ вліяніемъ заводскаго привознаго продукта, обладающаго дешевизною; 4) наконецъ, и самое главное, они находятся въ застоѣ за отсутствіемъ достаточнаго техническаго знанія, могущаго развить и поддержать рождающіеся кустарные промыслы, и за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ у кустарей развить и установить эти промыслы въ цѣляхъ предпріятія. Между тѣмъ развитіе кустарныхъ промысловъ въ Сибири, въ связи вообще съ развитіемъ мѣстнаго

производства, должно получить особое значеніе, вслѣдствіе мѣстныхъ географическихъ условій и составить впоследствии одну изъ видныхъ задачъ экономической жизни края. Мѣстныя особенности этой страны состоятъ въ отдаленности ея отъ европейскихъ и российскихъ мануфактурныхъ рынковъ, что вызываетъ высокій провозный тарифъ (отъ Петербурга до Иркутска, напр., 5 р. съ пуда). Тарифъ этотъ не можетъ не ложиться тяжестью на мѣстное населеніе и затрудняетъ пріобрѣтеніе многихъ произведеній первой потребности. Если города, а съ ними и высшій и средній классы Сибири въ состояніи еще, хотя и по дорогой цѣнѣ, пріобрѣтать привозные продукты, то большинство сельскаго населенія, вслѣдствіе возвышенныхъ цѣнъ за провозъ, лишено этой возможности. Поэтому въ Сибири крестьянское населеніе обходится безъ многого того, что доступно домоводству и сельскому хозяйству Европейской Россіи. Этотъ высокій провозный тарифъ и разстоянія, отдаляющія Сибирь, должны естественно побудить обратить вниманіе на развитіе мѣстныхъ производствъ для обезпеченія ея населенія. Вторая географическая особенность Сибири, побуждающая къ насажденію и развитію производительныхъ силъ, это—сосѣдство съ азіатскими странами и значительное число инородцевъ, какъ входящихъ въ составъ сибирскаго населенія, такъ и прилегающихъ къ границамъ. Сибирь, по отношенію къ сосѣднимъ дикарямъ и рынкамъ Азіи, должна когда нибудь играть роль мануфактурнаго рынка. Если дороги заводскія и мануфактурныя произведенія для Сибири, то можно себя представить, какъ должна повышаться цѣна ихъ на среднеазіатскихъ, туркестанскихъ и монгольскихъ рынкахъ. Для того, чтобы снабжать эти рынки нашими произведеніями и сколько нибудь конкурировать съ произведеніями иностранными и проникающими въ Азію, а также сдѣлать эти произведенія для азіатцевъ доступными по цѣнѣ и склонить ихъ къ пріобрѣтенію предметовъ нашего производства, — мы должны подвинуть самое производство какъ можно ближе къ ихъ границамъ, и въ этомъ случаѣ Сибирь должна представить наиболѣе соответствующій этимъ цѣлямъ районъ. Если различныя подѣлки и произведенія, въ томъ числѣ и предметы кустарной промышленности, проникаютъ изъ Россіи въ Монголію, Китай и Туркестанъ, то можно себя представить насколько усилятся сбытъ ихъ при развитіи сибирской промышленности».

«Въ числѣ мѣръ, рекомендуемыхъ нынѣ для развитія кустарнаго производства въ Сибири, находятся слѣдующія:

- 1) Образованіе ремесленнаго обученія при сельскихъ школахъ.
- 2) Образованіе стипендій и обученіе кустарнымъ промысламъ лицъ сельскаго сословія.
- 3) Снабженіе кредитомъ артелей кустарныхъ промышленниковъ, какъ какъ артельное производство представляетъ болѣе залоговъ и обезпеченія развитію промысла.
- 4) Привлеченіе въ различные округа Сибири такихъ ремесленниковъ, кои могли бы оказать услугу существующимъ промысламъ и положить начало новымъ производствамъ, возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ.

Скорое и возможно широкое осуществленіе для Сибири указанныхъ мѣръ тѣсно связано съ вопросомъ о дарованіи этому до-реформенному краю земскихъ учреждений».

Приведемъ еще въ заключеніе нѣсколько данныхъ о кавказской кустарной промышленности изъ того же источника.

*) На выставкѣ заслуживалъ особаго вниманія отдѣлъ финляндскій, но брошюра В. С. Пругавина, къ сожалѣнію, не коснулась его. Развитіе кустарнаго и ремесленнаго производства въ Финляндіи зависѣло, вѣроятно, отъ особенно благоприятныхъ социальныхъ условій, въ которыхъ находится эта страна.

«Наибольшее развитіе кустарной промышленности въ Сѣверномъ Кавказѣ мы находимъ въ Дагестанѣ, обнимающемъ не болѣе $\frac{1}{10}$ части всего пространства, занятаго остальными тремя сѣверными областями. Своимъ промышленнымъ прогрессомъ Дагестанъ обязанъ многимъ причинамъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣднюю роль играли самобытныя способности населяющихъ его лезгинскихъ племенъ, которыя въ настоящее время стоятъ на сравнительно весьма высокой ступени умственного развитія среди остальныхъ народностей, населяющихъ Сѣверный Кавказъ. Лезгинскія племена, первенствующія и въ отношеніи качествъ производимыхъ ими издѣлій (преимущественно оружія, суконъ и ковровъ), составляютъ въ Дагестанѣ наибольшій процентъ населенія и поднимаютъ его промышленное значеніе весьма высоко среди остальныхъ кавказскихъ племенъ. Наименѣе же всѣхъ производительный народъ—ингуши.

«Въ Дагестанской области встрѣчаются всѣ роды кавказскихъ издѣлій, и производство имѣетъ тамъ болѣею частью чисто промысловый характеръ.

«Наибольшее число мѣстныхъ промысловъ находится въ рукахъ горцевъ, у которыхъ имѣется 9 видовъ промысловъ, обрабатывающихъ шерсть, 4—кожевенныхъ, 5—обрабатывающихъ металлы, 5—занимающихся деревянными издѣліями и 3—шелковыми, тогда какъ у русскихъ только три вида шерстяныхъ промысловъ, 4—пеньковыхъ и 6—промысловъ деревянными издѣліями; обработкою шелка русскіе занимаются мало, а металлическими издѣліями совсѣмъ не промышляютъ. Въ числѣ горскихъ промысловъ болѣе многочисленны шерстяные (причемъ горцы славятся высшими сортами этихъ издѣлій); у русскихъ же въ наибольшемъ числѣ видовъ встрѣчаются промыслы по обработкѣ дерева и пеньки. Занятія кочевниковъ наименѣе разнообразны и вращаются около небольшого числа производствъ по обработкѣ шерсти и кожъ.

«Кавказскія кустарныя издѣлія изготовляются исключительно для мѣстнаго же населенія. Если, не теряя этого изъ виду, мы сравнимъ ихъ съ крестьянскими издѣліями въ Россіи, назначенными не для столичныхъ рынковъ, а для употребленія крестьянами же, то окажется, что кавказскія издѣлія отличаются отъ русскихъ высшимъ достоинствомъ выработки и отдѣлки, болѣею красотой и прочностью, хотя, при несовершенствѣ орудій, эти качества достигаются и большимъ трудомъ».

Кавказская промышленность горныхъ инородческихъ племенъ, какъ лезгиновъ, не только сохраняющаяся, но и совершенствующаяся, имѣетъ особенно поучительное значеніе для насъ. Сибирскіе инородцы также имѣли кое-какіе свои промыслы, а нѣкоторые даже проявляли замѣчательное искусство, какъ-то въ выдѣлкѣ замши, въ подборѣ мѣховъ, въ рѣзбѣ изъ кости чрезвычайно изящной и тонкой у якутовъ. Инородцы даже научали кое-чему русскихъ, напримѣръ, они учили, говорятъ, въ Тюмени выдѣлкѣ кожъ. До пришествія русскихъ кузнецкіе татары были замѣчательными кузнецами и платили даже металлическими издѣліями подать въ Китай. Алтай носитъ слѣды бывшего искусства выдѣлки стали и желѣза. Къ сожалѣнію мы видимъ, что наши инородческія племена не только не развили этого искусства, но оно у нихъ съ пришествіемъ русскихъ пало и заглохло. Такимъ образомъ, мы почти не воспользовались искусствомъ инородцевъ и ихъ дарованіями, хотя эти дарованія и спо-

собности могли оказать немаловажную услугу въ экономической жизни края. Намъ кажется, если еще не поздно, то мы должны дать просторъ и создать поощреніе развитію инородческой культуры сообразно ея способностямъ и призванію, такъ какъ цѣль нашего совместнаго существованія на востокѣ должна быть общій прогрессъ, взаимное развитіе способностей и общее достиженіе благосостоянія.

ВѢСТИ СЪ ВОСТОКА.

Недавно намъ однимъ лицомъ, хорошо знакомымъ съ японской исторіей, сообщены слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о двоюродномъ дядѣ японскаго императора, японскомъ фельдмаршалѣ принцѣ Ариставѣ Тархито, посѣдившемъ этой осенью Петербургъ. Онъ родился въ 1834 году, въ городѣ Міяко, прежней столицѣ Японіи. Молодость свою онъ проводилъ въ чтеніи японскихъ и китайскихъ книгъ и приобрѣлъ себѣ извѣстность начитаннаго человека. У него есть много хорошихъ стиховъ, которые давно извѣстны японской публикѣ. Кромѣ своихъ ученыхъ занятій, принцъ любилъ верховую ѣзду, въ которой обнаружилъ замѣчательную ловкость. Военная его дѣятельность началась съ 1867 года, когда совершилась въ Японіи реставрація императорскаго управленія страной. Въ концѣ означеннаго года, молодой императоръ принялъ правленіе отъ послѣдняго сѣгуна (талкуна), Токгава Кейки, который отказался отъ своей должности въ виду необходимости единства въ странѣ, такъ какъ внѣшняя политика Японіи часто подвергалась противорѣчію вслѣдствіе раздвоеннаго правленія. Вскорѣ послѣ того, бывший сѣгунъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и хотѣлъ вернуть себѣ прежнее значеніе. Дѣло не обошлось безъ пролитія крови, и проигравшій битву въ Міяко, Токгава Кейки бѣжалъ моремъ въ свою резиденцію, Іедо.

Императоръ Муцхито назначилъ принца главнокомандующимъ надъ арміею, отправленною противъ Токгава Кейки, причемъ вручилъ ему императорское знамя (нисикано михата) и саблю, въ знакъ ненарушаемости его полномочія. Весною 1868 года, Токгава Кейки сдалъ городъ Іедо въ руки принца и изъявилъ покорность. Тогда императоръ назначилъ принца въ наместники города Іедо и по-прежнему поручилъ ему верховное распоряженіе надъ всеми войсками, отправленными къ сѣверовосточнымъ князьямъ, неизъявившимъ императору покорности. Въ 1870 году принцъ былъ назначенъ въ военные министры, но вскорѣ былъ отправленъ императоромъ на островъ Кіусіу, гдѣ происходили беспорядки. Послѣ усмиренія мятежниковъ, принцъ былъ назначенъ въ губернаторы на томъ же островѣ и оставался на этой должности нѣсколько лѣтъ. Здѣсь онъ обнаружилъ замѣчательную распорядительность и получилъ извѣстность хорошаго администратора. Въ 1875 году его назначили въ сенаторы и былъ пожалованъ ему орденъ Восходящаго Солнца первой степени. Въ 1876 году его назначили предѣвателемъ сената и членомъ канцлара орденовъ. Во время его предѣательства были выработаны новыя уголовное и гражданское уложенія, въ составленіи которыхъ онъ принималъ наибольшее участіе. Въ 1876 году вспыхнуло на островѣ Кіусіу возстаніе, руководимое бывшимъ фельдмаршаломъ, Саиго Такамори. Это возстаніе имѣло весьма угрожающій правительству характеръ, благодаря военной популярности руководителя. Тогда императоръ назначилъ принца въ главнокомандующіе надъ арміею, и послѣ восьмимѣсячнаго сраженія усмирили этотъ островъ. По окончаніи этого дѣла, принцъ былъ возведенъ въ званіе фельдмаршала и ему былъ пожалованъ

императорскій орденъ «Киква-Дайджусэ». Въ 1880 году принца назначили въ вице-канцлеры, и эту должность онъ сохранилъ по сіе время. Вообще, принцъ пользуется въ Японіи большою почестію и популярностію. Ни одно важное дѣло не совершалось помимо него, и всегда онъ отличался своимъ безпристрастіемъ и энергіей.

ХРОНИКА.

Намъ доставленъ уставъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ. Цѣль общества опредѣляется слѣдующими четырьмя пунктами: 1) содѣйствовать матеріальными средствами городскому общественному управленію въ улучшеніи положенія приходскихъ городскихъ училищъ; 2) помогать бѣднѣйшимъ и способнымъ ученикамъ и ученицамъ приходскихъ городскихъ школъ, а по окончаніи ими курса училищъ доставлять способы къ продолженію ученія въ томскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) оказывать пособіе лицамъ, съ особенною пользою обучавшимъ въ городскихъ школахъ и, наконецъ, 4) оказывать пособіе лицамъ, которыя съ разрѣшенія начальства откроютъ и будутъ содержать частныя первоначальныя школы. Желаемъ отъ души успѣха молодому обществу и прежде всего, чтобы не обуюла его канцелярщина. Понимая выписанные нами четыре пункта не шире ихъ буквального смысла, общество немного внесетъ жизни въ окружающую его среду; между тѣмъ, не насилуя букву безъ всякой натяжки можно воспользоваться параграфами въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ они говорятъ на первый взглядъ. Возьмемъ для примѣра третій параграфъ. Онъ даетъ обществу право оказывать пособіе лицамъ, съ особенною пользою обучавшимъ въ городскихъ школахъ. Предположимъ, что одинъ изъ учителей составилъ для томскихъ городскихъ училищъ мѣстный учебникъ географіи, или книжку для первоначальнаго чтенія примѣнительно къ городу Томску. Конечно, такой учитель будетъ заслуживать пособіе общества, будь это выдача преміи, или гонорара, или пособія на изданіе руководства. Выдавая гонораръ за добросовѣстно составленные учебники или пособія на ихъ изданіе, общество будетъ поощрять литературную дѣятельность въ средѣ учителей. Это внесетъ въ общество творческую струю. Безъ этого оно упроститъ свое дѣло до простой раздачи денегъ и свизойдетъ до сухой ариѳметики. Для чего же тогда и общество учреждать; вѣдь существуетъ въ городѣ дума, которая тоже заботится о городскихъ училищахъ и отпускаетъ на нихъ суммы. Общество частныхъ людей, пекущихся о томъ же школьномъ дѣлѣ, тѣмъ и важно, что въ немъ ожидается болѣе свободы отъ канцелярщины, которою страдаютъ наши думы. Дума составляется по имущественному цензу, общество, подобное тому, о которомъ идетъ рѣчь, по цензу образовательному; дума состоитъ изъ лицъ по выбору, иногда попавшихъ въ нее неохотно, общество слагается изъ любителей дѣла. Очевидно, къ школьному дѣлу отношенія думы и общества должны различаться въ значительной степени. Въ дѣятельности общества должно быть больше мысли и творчества, больше инициативы, болѣе того остроумія въ пользованіи параграфами устава, которое и изъ камня умѣетъ источить воду. Первымъ предсѣдателемъ общества былъ избранъ П. И. Макушинъ, мѣстный книгопродавецъ и издатель «Сибирской Газеты», извѣстный и ранѣе своими трудами по школьному дѣлу въ Томскѣ. Въ такомъ началѣ жизни общества можно видѣть залогъ хорошаго; обыкновенно у насъ предсѣдателями всякихъ обществъ, и благотворительныхъ и ученыхъ, являются только нерсоны; предсѣдателемъ географическаго отдѣла ужъ на роду написано быть начальнику штаба; покровительницей бѣдныхъ или учащихъ дѣвицъ — губернаторшѣ; избраніе г. Макушина съ доброй стороны отгѣняетъ Томскъ. Видно, что этотъ городъ выходитъ изъ рутинны и становится на почву общественной жизни.

— Нельзя не отнестись сочувственно къ предложенію г. Ефимова, сдѣланному имъ томской городской думѣ относительно облегченій для мелкаго, дешеваго кредита. «Если цѣлость всѣхъ суммъ банка и ввѣренныхъ ему вкладовъ, — справедливо разсуждаетъ г. Ефимовъ, — обезпечивается достояніемъ всего городского общества, то справедливость требуетъ уже, чтобы каждый членъ этого общества

пользовался и услугами банка, независимо отъ размѣровъ своихъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, при единственномъ условіи честности и надежности своихъ оборотовъ и при надлежащемъ по уставу обезпеченіи ссуды. Наравнѣ съ купцомъ, имѣющимъ обороты на сотни тысячъ, кредитъ банка долженъ быть открытъ также мелкому торговцу и промышленнику, и ремесленнику, обороты которыхъ измѣряются сотнями рублей и даже гораздо менѣе». Далѣе, г. Ефимовъ помѣщаетъ таблицу предъявленныхъ и выданныхъ сибирскимъ общественнымъ банкомъ векселей по сословіямъ и говоритъ: «вникая въ эту таблицу, мы замѣтимъ, что чѣмъ болѣе удаляемся отъ представителей крупныхъ капиталовъ, тѣмъ болѣе выростаетъ потребность въ кредитѣ сравнительно съ возможностью его удовлетворить. Векселей, подписанныхъ купцами 1-й гильдіи было только на 95,918 р., тогда какъ ими же было учтено въ банкѣ векселей на сумму 399,880 р., т.-е. слишкомъ въ четыре раза болѣе; векселей, подписанныхъ купцами 2-й гильдіи на 409,949 р., предъявленныхъ къ учету на 508,958 р., т.-е., только уже въ 1¼ раза болѣе; мѣщанами же подписано векселей на 111,971 р., а предъявлено къ учету банка лишь на 25,695 р., уже слишкомъ въ четыре раза менѣе. Векселей, подписанныхъ торгующими крестьянами, было на сумму 43,148 р., но въ банкѣ не было ими учтено ни одного векселя. Основываясь на этихъ данныхъ, возможно утверждать, что мѣщане наши имѣютъ въ банкѣ кредитъ крайне незначительный; торгующіе же крестьяне никакого». Г. Ефимовъ подтверждаетъ этотъ свой выводъ еще и другими соображеніями. Въ концѣ своей записки онъ сравниваетъ отношеніе крупнаго и мелкаго кредита въ Томскѣ и Оренбургѣ; въ послѣднемъ городѣ на долю купцовъ выдано по векселямъ 1.535,000, на долю мѣщанъ и торгующихъ крестьянъ 400,939 р., т.-е., почти ¼ всей суммы; тогда какъ въ Томскѣ на долю купцовъ пришлось 1.119,000 р., а на долю мѣщанъ и торгующихъ крестьянъ 28,195 р., т.-е., менѣе, чѣмъ ¼ часть всей суммы. Отсюда видно, что въ Томскѣ, въ городѣ самой мужицкой области Россіи, мелкій кредитъ развился въ десять разъ слабѣе, чѣмъ въ Оренбургѣ. Чтобы судить, до какой степени мелкій кредитъ можетъ двигать мѣстную промышленность, приведемъ одинъ извѣстный намъ случай. Въ Харьковѣ одинъ изъ банковъ началъ ссужать незначительными суммами въ нѣсколько сотенъ рублей подъ ручательство извѣстныхъ банку лицъ; одинъ сибирякъ случайно былъ принужденъ поселиться въ Харьковѣ; онъ взялъ изъ банка 100 руб. и завелъ лавочку школьныхъ принадлежностей; года черезъ три или четыре у него былъ уже магазинъ школьныхъ предметовъ и учебниковъ на 2,000 руб. и мастерская школьной мебели. Богатъ онъ не сдѣлался, но существовать можетъ, а въ городѣ новымъ производствомъ стало болѣе. И сколько новыхъ производствъ могъ бы мелкій кредитъ создать въ нашихъ сибирскихъ городахъ. Большое спасибо г. Ефимову за то, что онъ поднялъ этотъ вопросъ въ Сибири.

— Въ газетѣ «Сибирь» (№ 38) помѣщена замѣтка о красноярской женской гимназій, въ которой жалуются на обѣднѣніе этого учрежденія деньгами. До пожара гимназія имѣла капиталъ въ 13,000 р. пожаръ въ связи съ другими обстоятельствами уменьшилъ этотъ капиталъ до суммы въ 6,000 рублей. Замѣтка говоритъ, что если не найдутся новыя средства, придется закрыть заведеніе, если не все, то по крайней мѣрѣ старшіе классы. Попечительный о гимназій советъ, въ виду такого положенія дѣла, обратился къ городской думѣ съ просьбою усилить пособіе гимназій, и къ генералъ-губернатору съ ходатайствомъ исклопотать усиленное правительственное пособіе въ теченіи 4 лѣтъ или разрѣшить открыть повсемѣстную въ губерніи подписку. Отъ думы отвѣта еще не получено, генералъ-же губернаторъ отвѣчалъ, что разрѣшеніе усиленнаго пособія отъ казны онъ находитъ мало вѣроятнымъ въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, и считаетъ осуществимою помощь со стороны частныхъ лицъ и безъ открытія всеобщей подписки. Замѣтка кончается воззваніемъ къ частнымъ лицамъ поддержать гимназію своими пожертвованіями *). Къ этой замѣткѣ редакция иркутской газеты прибавляетъ отъ себя: «не можемъ надивиться, что такой городъ, какъ Красноярскъ, всенародно заставляетъ советъ гимназій

*) Пожертвованія могутъ быть адресованы на имя предсѣдателя попечительнаго совета, Александра Петровича Кузнецова или казначея совета, Евгенія Николаевича Токарева.

прокричать, что губернский город Красноярск не въ силахъ дать 2,300 р., недостающихъ на содержаніе гимназій. Какой жалкій городъ! Мы что-то слышали о строительномъ комитетѣ, составленномъ изъ членовъ думы, построившемъ для гимназій пока только одинъ фундаментъ на условіяхъ, неизвѣстно для кого болѣе выгодныхъ: для гимназій или для строителей.

— Сколько долженъ Иркутскъ? Вотъ нѣкоторыя данныя о кредитѣ иркутскихъ жителей. Въ банкѣ Е. Медвѣдниковой учтено векселей на 4,200 т., въ отдѣленіи Сибирскаго банка 1,500 т., Государственнаго 900 т.; у двухъ капиталистовъ, занимающихся банкирскими операціями 3,400 т.—Итого 10 милліон. одного вексельнаго долга, не включая займовъ подъ залогъ имущества и у мелкихъ ростовщиковъ. Иркутскъ, значитъ, находится въ долгу, какъ въ шелку. Каждый изъ его 40 т. жителей долженъ по-крайней-мѣрѣ 250 р. Иркутскъ считаютъ богатымъ городомъ; но богатыхъ въ немъ всего два-три человека, а остальные находятся, въ отношеніи къ нимъ, въ положеніи экономическаго рабства. И чѣмъ болѣе будетъ развиваться кредитъ, тѣмъ это рабство будетъ усиливаться. Недавно одинъ мѣстный банкиръ (не изъ крупныхъ) взялъ съ какого-то молотящаго на обухѣ рожь золотопромышленника 100 т. р. за ссуду 70 т. р.; процентъ вполне удовлетворительный. Золотопромышленность создала здѣсь громадные капиталы, но она же создала громадный, неоплатный кредитъ. А между тѣмъ нѣкоторые толкуютъ, чтобы на часть капитала Гранезникова, доставшюся городу, былъ основанъ новый банкъ, то-есть, чтобы банковая кабала населенія еще болѣе увеличилась!

— Изъ Иркутска же въ „Сибирскую Газету“ пишутъ, что въ Вост. Сибири стали въ модѣ безирогонныя проѣзды почтовыхъ чиновниковъ, и не въ одиночку, а съ веселой и вѣроятно выгодной компаніей; г. К—въ провезъ содержателя театра, потомъ чиновницу съ семействомъ, отправившуюся въ прогулку, и, наконецъ, офицера; г. Ф—ій провезъ отставнаго почтальона, бѣжавшаго отъ слѣдствія по дѣлу о кражѣ денегъ изъ франкированнаго письма. Недурно живется этимъ счастливымъ, дѣлающимъ *partie de plaisir*, то съ „господами офицерами“, то съ „дамой, прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ“. Въ томъ же номерѣ помѣщена перепечатка изъ „Русск. Курьера“, съ другой стороны иллюстрирующая почтовое вѣдомство въ Сибири. Иркутскій губернский почтмейстеръ, вслѣдствіе отказа подрядчиковъ отъ содержанія 8 станцій, принявъ ихъ въ собственное хозяйственное завѣдываніе, и вотъ какъ онъ хозяйничалъ: на лошадь выводилъ по 30 ф. овса въ день (вмѣсто 8^{1/2}) и, забравъ принятыхъ отъ подрядчика лошадей, накупилъ новыхъ по 100 рублей, которыя, при сдачѣ вновь подрядчику, оказались стоящими отъ 30 до 7 рублей. Нѣсколько странно такое паденіе цѣны лошадей, но оно становится понятнымъ, когда съ этимъ послѣднимъ извѣстіемъ сопоставить предъидущее. Чтобы возить почтовыхъ чиновниковъ съ компаніями офицеровъ и отправляющихся на прогулку семействъ, конечно нужно кормить лошадей не обыкновенной нормой; нельзя только не пожалѣть, что и 30 ф. овса въ день оказалось мало, вслѣдствіе чего даже сторублевая лошадь заморилась и превратилась въ семирублевую клячу.

— Оттуда же намъ сообщаютъ объ одномъ слѣдствіи въ Иркутской губерніи. Исправникъ Кузнецовъ не заплатилъ жилкинскимъ крестьянамъ денегъ за обывательскую гоньбу. Они пожаловались губернатору, тотъ послалъ чиновника на дознаніе. Чиновникъ пріѣхалъ, спросилъ крестьянъ, убѣдился въ справедливости ихъ жалобы и донесъ о томъ губернатору, а тотъ велѣлъ ему приступить къ слѣдствію. Но чиновникъ любитъ выпить. Вечеромъ послѣ дознанія онъ порядкомъ хватилъ и потомъ дня два нилъ безъ просыпу. Между тѣмъ старшина, или кто-то другой, извѣтилъ Куз. о дознаніи. К. пріѣхалъ, отдалъ крестьянамъ деньги, и вѣроятно пригрозилъ имъ. Когда, проспавшись, чиновникъ принялся за слѣдствіе, то крестьяне единогласно показали, что деньги ими получены.—Какъ же вы, не далѣе какъ третьяго дня показывали, что деньги не получены? Помилуйте., в. б. никогда этого не было. Вы вѣдь были не совсѣмъ здоровы, такъ видно вамъ показалось, что денегъ не получали?

— Любопытны приемы, при помощи которыхъ властями вводится сельская реформа въ Восточной Сибири. Не ознакомивши крестьянъ

съ общимъ положеніемъ 19-го февраля, котораго не оказалось и до сихъ поръ нѣтъ ни въ одной волости, губернскаго начальство потребовало отъ крестьянъ согласія на введеніе реформъ. Крестьянамъ волостные писаря представили дѣло въ самомъ ужасномъ видѣ, въ особенности запугали ихъ раздробленіемъ волостей, проведя ту мысль, что если теперь одна волость переѣдаетъ имъ шею, то тогда, при раздѣленіи волостей, они совсѣмъ по міру пойдутъ. Сообразивъ, что дѣло неладно, крестьяне почти во всѣхъ волостяхъ загремѣли противъ раздѣленія волостей, а въ нѣкоторыхъ открыто высказывали несогласіе на введеніе реформъ: дѣды же наши жили по старинѣ, почему же и намъ не жить такъ?

Ну, стало быть, и весь реформа кончалъ!

— Тунка. Иркутскій купецъ Гр. Ив. Посылинъ, прекратившій было свои дѣла въ Монголіи и продавшій свою займку близъ дархатскаго куреня въ долину Шиникита, вновь поселяется въ Монголіи. Онъ арендовалъ за 1,200 р. на 10 лѣтъ землю въ долину р. Хоро, въ кочевьяхъ косогольскихъ урянхайцевъ, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ верстъ, и съ февраля мѣсяца намѣренъ возвести на арендованной землѣ капитальныя постройки, которыя будутъ стоить около 7—8 тысячъ рублей. Г. Посылинъ имѣетъ въ виду, помимо торговли, заняться скотоводствомъ и улучшеніемъ мѣстной породы скота; для этой цѣли имъ, между прочимъ, пріобрѣтенъ хорошей породы жеребецъ и весной будетъ выведенъ за границу и отпущенъ въ табунъ. — Съ прошлогодней осени въ Тункѣ журналы и газеты стали выписываться артелью, и теперь здѣсь получаютъ „Голосъ“, „Русскій Курьеръ“, „Сибирск. Газета“, „Сибирь“, „Отечеств. Записки“ и „Вѣстникъ Европы“. Всего выписывается на 120 рублей.

— „Томскія Губернскія Вѣдомости“ въ послѣднихъ №№ 38 и 39 помѣстили снова тенденціозныя полемическія статьи противъ насъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Енисейскъ (корр. «Восточ. Обозр.»). Сибирь бѣдна учебными заведеніями, но и положеніе этихъ одиночекъ крайне печально, благодаря плохому персоналу учителей, въ которые сплошь и рядомъ попадаютъ люди недостаточно образованные; люди съ разныхъ концовъ міра; люди, которые прошли всю Россію и Сибирь съ одного конца до другаго, перегоняемые ради пресловутаго «для пользы службы»; люди, у которыхъ нѣтъ ничего общаго съ Сибирью, которые не дорожатъ ни своей репутаціей, ни честью; для которыхъ идеаломъ служатъ низкопоклонничество, лесть и расчетъ. Въ этомъ мрачномъ мірѣ свѣтлая исключенія представляютъ только тѣ города, гдѣ благодаря какой нибудь случайности начальникомъ заведенія состоитъ честный и энергичный человекъ, куда тогда со всей Сибири стремятся хорошіе педагоги и такимъ путемъ другія среднія учебныя заведенія, которыхъ Богъ обидѣлъ начальствомъ, роняютъ все болѣе и болѣе авторитетъ въ обществѣ, представляя изъ себя конгломератъ бездарностей, деморализующихъ юношество. Однимъ изъ такихъ печальныхъ учрежденій, которые почти не видѣли свѣтлыхъ дней, можно считать енисейскую мужскую прогимназію, гдѣ съ самаго ея возникновенія не было ничего отраднаго: раздоръ, интриги, мелкіе интересники, безнравственность царилъ въ коллегіи учителей и начальства. Лучшіе педагоги бѣжали, и если нѣкоторые изъ нихъ остались, то поневолѣ, боясь лишиться послѣдняго куска хлѣба, и надо только видѣть и слышать, что переносятъ эти несчастливцы!... Директоръ этого учебнаго заведенія, бывший фаворитъ занимающаго въ настоящее время видный постъ лица, оказался совершенно неспособнымъ начальникомъ и общество радовалось, что онъ уѣхалъ въ отпускъ — въ Россію, откуда едва ли возвратится; вмѣсто его былъ временно на-

значенъ человекъ, который превзошелъ своего предшественника, и надо ожидать, что послѣдніе порядочные педагоги разбѣгутся или выйдутъ въ отставку. Въ послѣднее время, однако же, откуда-то распространился слухъ, что на мѣсто директора будетъ назначенъ здѣшній учитель—г. Подвысоцкій, чему нельзя не радоваться, потому что этотъ человекъ гуманный, образованный и труженикъ въ своемъ дѣлѣ, а дѣти привязаны къ нему. Крайне желательно, чтобы слухъ этотъ оправдался; въ противномъ случаѣ бѣгство изъ нашей прогимназіи еще болѣе усилится; въ настоящее время стали уходить уже дѣти, не только учителя.

Не лучше положеніе и нашего уѣзднаго училища, гдѣ смотрителемъ крайне слабый человекъ. Единственную отраду представляетъ только наше приходское училище, но здѣсь мы наталкиваемся на другое печальное явленіе—силы учителя гибнутъ подъ давленіемъ непосильной работы, которую раздѣлить должно бы второе приходское училище, между тѣмъ мы его никакъ дожидаться не можемъ. О женской гимназіи я могу сказать только то, что въ ней занимаются учителя мужской прогимназіи, начальницей же недавно назначена молодая дѣвушка, бывшая учительница красноярской гимназіи, гдѣ, какъ слышно, она оставила по себѣ хорошую память; но, какъ извѣстно, быть учительницей и начальницей не одно и то же, въ особенности при томъ или другомъ вліяніи директора мужской прогимназіи, при прежнихъ начальницахъ отражавшемся крайне неблагопріятно, такъ что даже одна изъ нихъ, весьма дѣльная и энергичная женщина, вслѣдствіе столкновеній, покушалась на самоубійство.

Вообще говоря, честнымъ и энергичнымъ людямъ трудно жить въ Сибири, въ которой часто наиболѣе уважается только угодничество, лесть и подлость, примѣромъ чему можетъ служить слѣдующій фактъ. Начальникъ здѣшней телеграфной станціи, очень хорошій и, какъ видно, честный человекъ, неумѣетъ угождать начальству, благодаря чему его гонять со службы, не давъ ему дослужить до пенсіи немного болѣе года. Причины же къ увольненію нѣтъ, говорятъ, никакихъ, кромѣ мелочной придирчивости, вслѣдствіе крайней не деликатности и грубости одного лица, склоннаго выводить въ люди личностей совершенно бездарныхъ, но за то угодливыхъ.

Тюмень (корр. «Вост. Обозр.»). Санитарныя условія большинства нашихъ городовъ въ общемъ далеко не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ, что, понятно, объясняется отсутствіемъ сознанія въ населеніи зависимости отъ этихъ условій развитія между ними разнаго рода болѣзней, иногда повальныхъ.

Что касается до Тюмени, то она не составляетъ исключенія изъ вышесказаннаго. Грязь весною и осенью, покрывающая улицы, вода, стекающая въ засоренныя канавы по краямъ улицъ, наземъ, сваливаемый чуть не въ центрѣ города—все это характеризуетъ Тюмень въ данномъ отношеніи. Затѣмъ, вода р. Туры, которую приходится пить населенію, правда, мутная и по своей природѣ, еще болѣе становится вредной оттого, что въ зарѣчной части города, по лѣвому берегу рѣки, концентрируется много кожевенныхъ заводовъ, которые, понятно, не могутъ не оказывать, по самому способу производства въ нихъ, своего дурнаго вліянія на качество рѣки.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тюмени составила партія нагорныхъ жителей, между которыми было нѣсколько виноторговцевъ, возбудившая было серьезно вопросъ о перенесеніи заводовъ ниже города, причемъ для экспертизы воды думала даже пригласить профессора-специалиста изъ Казани; но, за рѣкою, въ свою очередь, составила другая партія, которая пригрозила первымъ тѣмъ, что въ случаѣ оппозиціи «нагорниковъ» они настоятъ на

минимизи открытія кабаковъ и... «нагорники» мало-по-малу притихли, а вопросъ остался вопросомъ. Расскажу, къ какимъ пріемамъ не брезгаютъ прибѣгать наши коммерсанты, лишь бы отстоять свое «добро». Рассказываютъ, что въ разгаръ борьбы названныхъ двухъ партій, кожевенный заводъ одного купца посетила «особа», изъ власть имущихъ; разговоръ зашелъ у него съ заводчикомъ, между прочимъ, объ умѣстности заводовъ въ центрѣ города. Купецъ возражалъ, и чтобы доказать на опытъ, что моченье кожъ не портитъ воду, онъ опускаетъ руки въ чанъ, въ которомъ находились сырыя кожи, пригоршней беретъ изъ находящейся въ чану жидкости и пьетъ. Картина! «особа» была сражена!...

Что могутъ значить для насъ благіе совѣты и замѣчанія относительно, напримѣръ, прекращенія обычной жечь наземы, хотя бы и генераль-губернатора! «Мы съ въ своемъ дѣлѣ съ сами генераль-губернаторы съ и позвольте ужъ намъ знать, что вредно и что невредно!»

Тифы, скарлатина, дифтеритъ и чума, которыя губятъ и на селеніе и скотъ въ городѣ и по окрестностямъ—это... это все «отъ воли Божіей!»...

Вслѣдствіе подобныхъ оппозицій наступаетъ и бездѣйствіе думы. Развѣ въ думѣ заседаютъ и имѣютъ фактическое преимущество не тѣ же заинтересованные въ кабакахъ и кожевенныхъ заводахъ? Да если бы даже и не заседали, то, во всякомъ случаѣ, они постараются вмѣсто себя провести лицъ, отъ себя тѣмъ или другимъ способомъ зависимыхъ. *Населеніе принуждено на все на это смотреть.* Что касается до остальнаго населенія, «невліятельнаго» по своимъ «капиталамъ», то ему предоставляется сколько угодно взирать на все это и даже хоть въ «перси своя бити». Въ предъидущей корреспонденціи (№ 30), я представилъ бюджетъ города. Теперь въ правѣ спросить читатель, куда же тратятся деньги?! Управа представляетъ и отчеты, но... коммиссія, разсматривающая ихъ, до сихъ поръ не можетъ справиться съ управскимъ отчетомъ за 1879 г. Чѣмъ это объяснить? Кто его знаетъ; можетъ быть обиліемъ, недосмотромъ: никто не обходится безъ ошибокъ! *Ergare humanum est!* Даже городской секретарь, безъ котораго нашъ голова и на курульномъ креслѣ сидѣть не можетъ—даже вѣдь и онъ иногда ошибается, особенно, когда составляетъ протоколы собраній!

Грустно, очень грустно, а должно признать какъ фактъ, что небрежность, халатность въ отношеніи общественныхъ вопросовъ замѣчательныя. Золотой телецъ и его поклонники—на одной сторонѣ; но есть другая сторона, гдѣ дѣятельность городской думы или ея бездѣтельность много значить, гдѣ ея бюджетъ сказывается очень сильно: эта масса мѣщанства. Громадные расходы требуютъ и возвышенія прихода, что сопряжено съ увеличеніемъ городскихъ сборовъ. И вотъ люди, которымъ приходится бороться за существованіе, должны платить несоотвѣтственныя съ дѣятельностью ихъ домовъ суммы.

Кромѣ того, сборы въ пользу города распространяются на привозную мелкую торговлю: и такъ, крестьянинъ, привозящій предметы для перваго потребленія—платить, каланница, у которой всего товару-то на рубль—платить. Правда они платятъ копѣйки, но развѣ эти копѣйки не дороже для нихъ рублей купеческихъ?

Гг. воротилы тюменскіе, вникните въ слабый смыслъ моихъ словъ и скажите, добросовѣстно-ли при этихъ условіяхъ такъ безпечно относиться къ прямымъ своимъ обязанностямъ? Не справедливо ли было бы, чтобы лежала обязанность на васъ, а не на крестьянинѣ-продавцѣ или бабѣ-каланницѣ покрывать тѣ дефициты, которые являются какъ *deus ex machina* въ думскихъ бюджетахъ?

Между тѣмъ, какъ, по правдѣ, платить должно было-бы тѣмъ, отъ кого всего болѣе зависить управленіе городомъ, тѣмъ, отъ кого зависить разстройство въ движеніи общественныхъ дѣлъ.

Съ возложеніемъ на васъ чести быть городскими представителями вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаете а себя и большую обязанность, а въ силу этого, прежде чѣмъ принимать присягу въ добросовѣстномъ выполненіи ея, соображайте, можете ли ее выполнить — иначе уходите, скройтесь, скройтесь хоть въ туясы и выбирайте достойныхъ, причемъ достоинство мѣряйте не капиталами, а умомъ и присущей человѣку энергіей: такіе люди были и есть среди васъ же самихъ. Поищите!

Изъ Ферганы (корр. «Вост. Об.»). Пронесся по нашимъ дебрямъ слухъ не только о сенаторской ревизіи, но даже и о введеніи гласнаго суда. Послѣдній слухъ настолько серьезень для края, что заставляетъ насъ остановиться на немъ въ нашей замѣткѣ. Мы, русскіе, являясь въ край, преслѣдовали цивилизаторскую миссію, имѣли цѣль провести въ странѣ культурныя начала, уничтожить варварство. Понятно, что однимъ изъ видныхъ факторовъ для проведенія истины въ туземную жизнь долженъ являться судъ. Итакъ, поставимъ вопросъ, что сдѣлано на этомъ пути? До прихода русскихъ, туземце населеніе имѣло народные суды—у сартовъ кази и у киргизовъ бии. Какъ ни плохъ этотъ судъ, но недостатки его, по закону исторіи, суть результатъ тѣхъ условій, среди которыхъ онъ возникъ и развивался. Замѣтимъ однако, что изстари этому суду были присущи нѣкоторыя черты, которыя неособенно давно реализованы и въ русскихъ судахъ—это гласность, публичность, оцѣнка доказательствъ, въ большинствѣ случаевъ, по совѣсти и положительный отвѣтъ о винѣ, или невинности обвиняемаго. Народному суду неизвѣстно пресловутое выраженіе IV тома «оставить въ подозрѣніи». Явились русскіе, и началось проведеніе въ жизнь туземца новыхъ началъ. Явились уѣздные судьи, судебные слѣдователи, подчиненные военнымъ губернаторомъ, и военно-судныя комиссіи, рѣшающія уголовныя дѣла, подсудныя окружнымъ судамъ. Народные суды остались для разбора дѣлъ между туземцами одной народности. Началось многоисаніе, проведеніе въ жизнь принциповъ истины по теоріи формальныхъ доказательствъ, блаженной памяти IV тома! Мы не будемъ говорить о естественныхъ результатахъ смѣшенія власти административной и судебной въ лицѣ военнаго губернатора. Результаты эти давно и вездѣ доказаны и въ общей, и юридической литературѣ. Итакъ, то, что оказалось непригодно на Руси, что дало слишкомъ грустные результаты въ Сибири, все это, на первыхъ же шагахъ нашихъ въ цивилизаторской миссіи, примѣнено здѣсь для поднятія въ туземцахъ понятія объ истинѣ! Грустные результаты этого получаютъ въ жизни; сарты злутъ немилосердно по слѣдственнымъ (уголовнымъ) дѣламъ, объясняя при случаѣ, что уличать подсудимаго, показать правду они боятся потому, что русскій судъ часто выпускаетъ на свободу обвиняемыхъ по серьезнымъ преступленіямъ. Это плоды теоріи формальныхъ доказательствъ, съ ея пресловутымъ «оставить въ подозрѣніи»! О составѣ и дѣятельности военно-судныхъ комиссій мы не будемъ говорить сами, а процитируемъ новый проектъ положенія, который на 49 стр. говоритъ слѣдующее: «дѣятельность военно-судныхъ комиссій была еще печальнѣе (ранѣе говорится объ областныхъ правленіяхъ). Презусъ и члены изъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона, часто перемѣняющіеся, и неимѣющіе никакой подготовки къ судебной дѣятельности, аудиторъ, часто необладающій достаточнымъ запасомъ юридическихъ свѣдѣній,—таковъ составъ суда, которому ввѣрены въ краѣ важнѣйшія уголовныя дѣла». Что будетъ далѣе, Аллахъ вѣдаетъ! Но гений

бюрократизма, который витаешь и надъ нашими дебрями, предначерталъ картину нашего будущаго суда, по которой гласный судъ будетъ съ почти безгласными судьями. По извѣстному всему принципу, зависимое положеніе чиновника доводитъ до нуля его личное мнѣніе. Чтобы устранить это зло, судебные уставы, по принципу, преслѣдовали несмѣняемость лицъ судебного вѣдомства. Но новый проектъ положенія недопускаетъ принципа самостоятельности лицъ судебного вѣдомства и говорить о необходимости смѣны этихъ лицъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, безъ суда (стр. 52). Насколько основательны опасенія составителей проекта дать самостоятельность суду, конечно, вопросъ будущаго, но съ юридической точки зрѣнія взглядъ проекта на вопросъ о самостоятельности суда составляетъ рѣзкій контрастъ съ положеніями, высказанными по этому вопросу въ судебныхъ уставахъ (изданіе государственной канцеляріи). Тамъ, на стр. XXXIX говорится слѣдующее: «Самостоятельность судей, избранныхъ съ осмотрительностью, есть, безъ всякаго сомнѣнія, одно изъ надежныхъ ручательствъ въ правильномъ отправленіи правосудія, и потому одно изъ главныхъ условій хорошаго судоустройства. Въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ могутъ быть нерѣдко заинтересованы, или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся, начальствующія надъ судьями, или вообще лица, сильныя по своему положенію въ обществѣ. Такія лица имѣютъ множество средствъ, не роняя внѣшняго достоинства, дать судѣ почувствовать свое вліяніе». Съ научно-юридической точки зрѣнія идея самостоятельности суда имѣетъ свою исторію съ Бэкона Веруламскаго въ прошломъ столѣтіи, и къ концу прошлаго столѣтія сдѣлалась общимъ достояніемъ просвѣщеннаго міра. Современный цивилистъ Муромцевъ въ статьѣ «Судъ и законъ въ гражданскомъ правѣ» (Юрид. Вѣсти. 1880 г., стр. 393) говоритъ слѣдующее о самостоятельности суда: «Нечего опасаться произвола со стороны судей. Мы не улучшимъ суда, если будемъ твердить ему о пассивномъ положеніи, вопреки собственной его природѣ. Напротивъ, усвоивъ себѣ ту мысль, что активное положеніе есть необходимая принадлежность суда, мы сочтемъ за нужное приложить все мѣры къ его улучшенію въ качественномъ отношеніи», и затѣмъ тотъ же авторъ заявляетъ, что развитый контроль гласности и дѣйствительная независимость, несмѣняемость членовъ этой корпораціи гарантируютъ и справедливость, и солидарность судей данной страны. Въ силу какихъ доводовъ, является вопросъ, составители проекта отвергли такое очевидно-справедливое положеніе науки? Имъ показалось опаснымъ самостоятельное существованіе суда отъ администраціи потому, что въ Туркестанѣ нѣтъ печати и общественнаго мнѣнія» (стр. 52). Едва ли можно согласиться съ этими опасеніями составителей проекта, ибо, допуская его правильность, мы будемъ согласны съ тѣмъ, что въ Туркестанскомъ краѣ нѣтъ ни мысли, ни анализа явленій общественной жизни, ни въ русской, ни въ туземной средахъ. Существованіе анализа явленій въ туземной средѣ, сообразно ея развитію, признается тѣмъ же проектомъ, который на 48 стр. говоритъ: «судьи въ теченіи 14 лѣтъ съ честью и пользою творили судъ въ краѣ, пріобрѣтая уваженіе и довѣріе туземцевъ къ русскому суду». Значитъ, eo ipso, туземцы анализируютъ, что дурно и что хорошо, ибо, при отсутствіи анализа дѣйствій, рѣшеній судей, у нихъ не могло бы образоваться мнѣнія. А разъ, говоря о мнѣніи туземцевъ, мы получаемъ понятіе о мнѣніи коллективномъ, т.-е. общественномъ. Что же касается до отсутствія мнѣнія русскаго общества и печати въ краѣ, то положеніе это также не выдерживаетъ критики, ибо, читая «Тур-

кестанскія Вѣдомости», мы видимъ обмѣнъ мысли между русскими, полемику по общимъ и спеціальнымъ вопросамъ, которая далеко уходитъ за предѣлы Ташкента, гдѣ издаются вѣдомости, и производитъ вліяніе на общественную мысль, даже въ отдаленныхъ дебряхъ Ферганы. Невольно вспоминается намъ трудъ нѣмецкаго ученаго Ф. Гольцендорфа: «Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни», въ которомъ авторъ находитъ труднымъ указать на процессъ образованія общественнаго мнѣнія, но не указываетъ на какой-нибудь видъ человѣческаго общежитія, гдѣ бы его не было. Неужели, по мнѣнію составителей проекта, туркестанское общество составляетъ до-историческое состояніе человѣка?

Бійскій Округъ, 13 августа 1882 г. (корресп. «Вост. Обзор.»).

Назадъ тому около ста лѣтъ, въ царствованіе императрицы Екатерины Великой, изъ Галиціи переселено на окраины Алтая, въ Бійскій округъ, нѣсколько тысячъ семействъ, изъ числа которыхъ образовалось и село Верхъ-Убинское. По разсказамъ однихъ, переселеніе происходило съ цѣлью заселенія Алтая; другіе же утверждаютъ, что изъ рода въ родъ переходитъ преданіе,—будто переселеніе происходило изъ желанія уменьшить старообрядческій элементъ въ Галиціи, или по-просту старообрядцевъ ссылали. Основываясь болѣе на этомъ послѣднемъ преданіи, большая часть населенія этого села глубоко убѣждена, что дѣды и прадѣды ихъ были старообрядцы. Фактъ этотъ подтверждается и тѣмъ, что почти всѣ старыя селенія, заселенныя галиційскими выходцами, зовущими себя «поляки», въ былое время имѣли молитвенные дома, въ которыхъ открыто совершалось богомолье. Но назадъ тому 30—50 лѣтъ всѣ дома эти запечатаны по распоряженію бійской администраціи. Съ того именно времени началось обращеніе старообрядцевъ въ православіе и единовѣріе. Обращеніе это шло въ разрѣзъ съ ученіемъ Христа: на старообрядцевъ вліяло не пастырское разумное слово, а угрозы и притѣсненія исправниковъ (въ особенности Квятковскаго, который, кажется, за обращеніе старообрядцевъ съ нагайкой въ рукѣ получилъ награду). И вотъ, посредствомъ давленія со стороны администраціи и приманки единовѣріемъ, люди бѣдные, болѣе робкіе поддались и примкнули: кто къ православію, кто къ единовѣрію (въ православіе шли лишь тѣ, кои поступали въ обязательную горнозаводскую службу), но болѣе твердые въ своихъ убѣжденіяхъ и зажиточные остались непоколебимы въ вѣрованіяхъ предковъ, вынося всѣ притѣсненія, или откупаясь деньгами отъ преслѣдующей администраціи, которая только и жаждала наживы,—или же укрывались въ лѣсахъ на пасѣкахъ. Такимъ образомъ совершилось обращеніе. На самомъ же дѣлѣ большинство обращенныхъ, въ особенности въ православіе, крѣпко держались своихъ прежнихъ убѣжденій. Крестили дѣтей въ церквахъ, въ церквахъ же вѣнчались и отиѣвали умершихъ, но все это дѣлалось только для вида, и послѣ совершенія этихъ таинствъ надъ принявшими совершались свои, стариками. Окрещенный священникомъ ребенокъ росъ подъ руководствомъ родителей, которымъ казалось не по душѣ православіе, и сторонился церкви до тѣхъ поръ, пока ему не приходила необходимость вѣнчаться; повѣчавшись, старообрядецъ опять-таки сторонился церкви. Все это знали и видѣли священники, но, какъ вообще люди малограмотные, игнорировали такой ходъ вещей, знали лишь одно, что съ приложанъ этой категоріи имъ удобнѣе брать за свадьбу 100—200 руб.

Въ царствованіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, старообрядцы вздохнули свободнѣе, преслѣдованія стали рѣдки, судъ дѣла о расколахъ началъ рѣшать болѣе гуманно, такъ что многія дѣла оставались безъ послѣдствій. Не-

брежность священниковъ, раснущенность, безнравственность нѣкоторыхъ и страсть къ наживѣ, окончательно убѣдили мнимо присоединенныхъ старообрядцевъ, что имъ можно и не скрывать своихъ убѣжденій и не подчиняться требованіямъ священниковъ—требованіямъ иногда неспособнымъ для крестьянина. Такимъ образомъ тысячи населенія открыто заявили свой ропотъ противъ принадлежности къ церкви и многія селенія теперь, не обращаясь къ священникамъ, имѣютъ своихъ начетчиковъ изъ крестьянъ. Начетчики же, или какъ ихъ называютъ, раскольническіе поны исправляютъ всѣ духовныя требы старообрядцевъ: крестятъ, вѣнчаютъ и отиѣваютъ, но все это скрытно, въ ночное время. Ведя всегда трезвую жизнь, своимъ примѣромъ и толковымъ разъясненіемъ богослужебныхъ книгъ, несправленныхъ патриархомъ Никономъ, а въ особенности своей всегдашней доступностью, начетчики съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возвращаютъ къ своему старинному вѣрованію бывшихъ присоединенными къ церкви, тогда какъ мѣстное духовенство, стараясь удержать паству силою, при всевозможныхъ обираніяхъ, все болѣе и болѣе ихъ отталкиваетъ. Все это даетъ полное основаніе допускать, что тайное моленіе старообрядцевъ не можетъ служить сокращеніемъ раскола, а равно и открытое не послужитъ соблазномъ для твердо вѣрующихъ въ православіе. Примѣры доказываютъ ясно, что поколѣніе, изъ рода въ родъ принадлежащее къ православной церкви, въ расколъ не совращается; скорѣе же всего изъ числа старообрядцевъ люди, потерявшіе всякое понятіе о честности, становятся ренегатами, но этихъ выроdkовъ, становящихся православными, можно причислить лишь къ числу потерявшихъ всякую религію. Борьба съ расколомъ можетъ быть допущена лишь на почвѣ легальной. Искоренять расколъ могли бы священники кроткимъ словомъ и разумной проповѣдью, но, къ сожалѣнію, такихъ способныхъ на это пастырей нѣтъ (фактъ этотъ признанъ нынѣ и администраціей, см. № 25 «Том. Губ. Вѣд.», корреспонденція изъ Бійска; на самомъ же дѣлѣ взято изъ отчета исправника). Открытіе же старообрядческихъ часовень, напротивъ, дастъ хотя наглядное понятіе молодому, болѣе мыслящему старообрядческому поколѣнію о томъ, гдѣ именно болѣе правильности въ служеніи Богу; дастъ толчокъ къ размышленію о томъ, не ошибаются ли старики, считая противнымъ правиламъ св. Апостоловъ исправленіе богослужебныхъ книгъ патриархомъ Никономъ. Вредъ открытія часовень и предоставленіе возможности старообрядцамъ возносить молитвы Богу, едвали кто-нибудь въ наше время можетъ допустить. Во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что духовныя потребности этого честнаго и лучшаго населенія въ Алтай будутъ, послѣ многихъ лѣтъ, уважены.

Въ послѣднее время въ округѣ, населенномъ болѣею частью старообрядцами, начало проявляться желаніе ходатайствовать объ открытіи запечатанныхъ старообрядческихъ молитвенныхъ домовъ. Одно ходатайство поступило уже къ г. министру внутреннихъ дѣлъ, но судьба этого ходатайства остается до сихъ поръ неизвѣстной. Неизвѣстно, какое мнѣніе дастъ мѣстная администрація, а судьба нашихъ старообрядцевъ заслуживаетъ вниманія.

Сибирякъ.

ПЕРВОБЫТНАЯ ИСТОРИЯ

Ч У Д И.

Много тысячъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда по обоимъ склонамъ Уральскаго хребта по дилювіальной почвѣ расхаживали гиганты: мамонтъ, носорогъ, широколобый быкъ, а на ряду съ

ними разгуливали крупныя животныя: лось, медвѣдь, конь, бѣгали разныя мелкія жвачныя и хищныя животныя и на всякомъ шагу встрѣчались грызуны — это былъ періодъ мамонта. Многочисленность костей угасшихъ и нынѣ живущихъ видовъ животныхъ, находимыхъ въ настоящее время на Уралѣ и въ западной Сибири, доказываетъ присутствіе и обиліе этихъ животныхъ, водившихся иѣкогда на всемъ пространствѣ отъ впаденія Камы въ Волгу до верховьевъ Енисея. Путешественникъ Петръ Симонъ Палласъ въ 1770 году, видѣлъ груды костей мамонта, нагроможденныхъ въ окрестностяхъ Верхотурья и перемежанныхъ съ белементами и окаменѣвшими зубами акулы *). Множество костей разныхъ угасшихъ животныхъ хранится въ настоящее время въ музеѣ уральскаго общества любителей естествознанія, въ г. Екатеринбургѣ. Крестьяне большимъ сваломъ время отъ времени, продаютъ кости на пермскій фосфорный заводъ, уничтожая громадную костницу. Усердные археологи еще и теперь выкапываютъ изъ земли множество остатковъ вымершихъ животныхъ. Одновременно съ существованіемъ упомянутыхъ животныхъ по обоимъ склонамъ Урала шумѣли густые лѣса, зеленѣли луга и красовались кустарники, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ флора того времени. Человѣкъ, какъ показываетъ устройство его зубовъ, былъ существомъ плотояднымъ и травояднымъ, и въ періодъ мамонта онъ могъ существовать на Уралѣ; условія мѣстности ему благоприятствовали, пищи было довольно, а со времени открытія огня еще въ ранній періодъ своего существованія человѣкъ научился уже поддерживать этотъ огонь подборасываніемъ горячаго матеріала.

Надобно полагать, что въ періодъ мамонта, человѣкъ уже жилъ на Уралѣ; на эту мысль наводитъ насъ находка, сдѣланная на берегу Атаешскаго ручья въ деревнѣ Ошурковой (въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ), гдѣ на значительной глубинѣ были вырыты куски, обугленнаго и пропитаннаго мѣднымъ колчеданомъ, дерева, вмѣстѣ съ истлѣвшими костями мамонта и зубами акулы **). Кромѣ того, въ музеѣ уральскаго общества хранится трубчатая кость мамонта, на одномъ концѣ которой замѣтно пробитое орудіемъ отверстіе, а самая кость правильно расколота вдоль и, такихъ разбитыхъ костей вымершихъ животныхъ въ Приуральскомъ краѣ я видѣлъ нѣсколько — всѣ онѣ имѣли царапины внутри. Современники мамонта питались овощами, ягодами и сырымъ мясомъ; они обгрызали кости, которыя потомъ разбивали для того, чтобы достать изъ нихъ мозгъ. Въ холодную ночь человѣкъ лежалъ подлѣ огня и потому не подлежитъ сомнѣнію, что на берегу Атаешскаго ручья пылалъ очагъ.

Современники мамонта были дикари въ буквальномъ значеніи этого слова. Человѣкъ велъ борьбу за существованіе; онъ долженъ былъ снискивать себѣ пищу, защищаться отъ нападенія хищнаго звѣря, укрываться отъ ненастья и согрѣвать себя отъ холода. Онъ могъ безпрепятственно собирать ягоды, срывать овощи, ломать сучья, и поддерживать добытый огонь; онъ могъ еще воспользоваться природною пещерой, чтобы устроить себѣ въ ней пріютъ, или сложить изъ сучьевъ шалаши, онъ могъ, наконецъ, камнемъ или сукомъ защититься отъ хищнаго звѣря; но у него появились другія потребности, для которыхъ природныя орудія оказались уже недостаточными, и потому ему понадобились искус-

ственныя орудія, какъ, напримѣръ, для охоты на звѣря, для устройства ловушекъ на животныхъ, для сниманія кожи, для разбиванія костей, для рубки дровъ, для рытья земли, для пробиванія льда. Употребивъ въ дѣло свои примитивныя способности, ловкость и силу, дикари стали отбивать камнемъ: кремнемъ, діоритъ, яшму, гнейсъ, сіенитъ, змѣвикъ и другіе сорта камня, и придавъ имъ рѣзущее свойство, они получили орудія, которыя примѣнили къ своей обыденной жизни. Наконечники стрѣлъ и копій служили имъ для охоты, мотыгами они копали землю, ножи служили имъ для сниманія кожи, для рѣзанія мяса, для сдиранія шелухи съ овощей; скребками они очищали шкурки (отъ мездры), топорами (при помощи огня) рубили дрова, жерди и сучья. Первые орудія были такъ грубы и неуклюжи, какъ грубы были сами дикари; но годы текли за годами, люди совершенствовались и развивались умственно и тѣлесно и, по мѣрѣ того, какъ двигались они сами впередъ, совершенствовались и ихъ издѣлія. Потомъ дикари уже стали готовить ядра; на ядрахъ (nucleus) намѣчали форму и количество орудій и, разбивъ ядро однимъ ударомъ на части, они разомъ получали нѣсколько сколковъ требуемой формы. Такія орудія мы называемъ отбивными.

Орудія изготовлялись на мѣстѣ. На Уралѣ имѣлись собственныя мастерскія, какъ доказываютъ находимые нынѣ на значительной глубинѣ ядра, осколки (негодные отброски) и недоделанныя или неудавшіяся орудія. Существованіе мастерскихъ указываетъ на зародышъ торговли; потому что тѣ, которые сами не дѣлали орудій, но нуждались въ нихъ, могли уже ихъ вымѣнивать въ мастерскихъ на съѣстные припасы и другіе предметы, имѣвшіе цѣну въ глазахъ дикарей. Ремесло и торговля влекли за собою установленіе общественнаго порядка, въ какой бы грубой формѣ онъ ни появился. К. Шишковскій (въ 1881 г.) открылъ мастерскую близъ деревни Сыростана, въ Троицкомъ уѣздѣ, состоящую изъ осколковъ, яшмоваго ядра и разныхъ отбивныхъ орудій изъ кремня, яшмы и другихъ сортовъ камня; недалеко отъ этой деревни (близъ Тургойка) на берегу озера Чертанкуля онъ приобрѣлъ топоръ, наконечники стрѣлъ и другія каменные отбивныя орудія. Въ Каменномъ логу (въ 8 верстахъ отъ Тургойка) онъ открылъ разныя мелкія каменные орудія, тоже отбивныя; близъ ключа Черемшанки, недалеко отъ Миасса онъ нашелъ каменное ядро, и наконецъ въ Миасской дачѣ (Нижнемиасской дистанціи), на Глининскомъ пріискѣ, при золотыхъ работахъ нашли: яшмовую недоделанную стрѣлу, яшмовое ядро и нижнюю челюсть бобра *).

Первобытные жители Урала преслѣдовали звѣря. Убивъ животное, они снимали съ него кожу, рубили тушу на части, которыя уносили въ свои жилища. Они сначала ѣли мясо сырое, а потомъ приучились его жарить. Шкуры животныхъ служили постелью и одеждой; найденныя костяныя шилья доказываютъ, что шкуры шивались вѣроятно съ помощью ремней или кишекъ. Трубчатая кость и черепа разбивались; мозгъ былъ съѣдаемъ, какъ лакомство, а самыя кости шли на подѣлку орудій. Дикари лѣпили посуду изъ глины, къ которой примѣшивали гравій, раковины или слюду; но они ее не употребляли для варки пищи. Посуда имъ была нужна для содержанія въ ней провизіи, или переноски съѣстныхъ припасовъ. Посуда высушивалась на солнцѣ или у вольнаго огня; въ этой посудѣ даже можно было таскать воду и собирать въ нее кровь. Первоначальныя сосуды были весьма грубы и неуклюжи; но они совершенство-

*) P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. St.-Petersburg. 1773. T. II. B. 1. S. 266.

**) P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. St.-Petersburg. 1773. T. II. B. I. S. 283—284.

*) Въ эти орудія г. Шишковскій пожертвовалъ музею уральскаго общества любителей естествознанія, въ г. Екатеринбургѣ.

вались точно также, какъ совершенствовались и орудія. Многіе сосуды были украшаемы разными узорами, произведенными въ мягкой глинѣ пальцемъ, ногтемъ или острымъ орудіемъ, какъ удостоверяютъ находимые черепки. Довольно характеристическіе черепки глиняной посуды нашель Шишковскій у вершины рѣчки Веселой (притокъ Ая), въ Троицкомъ уѣздѣ, а М. Малаховъ сообщилъ мнѣ, что на внутренней части нѣкоторыхъ черепковъ онъ замѣчалъ вдавленія, какъ-бы отъ плетенки, на которую намазывалась глина, чтобы слѣпить горшокъ требуемой формы.

Напослѣдокъ люди довели свои орудія до самой высшей точки совершенства; они ихъ шлифовали, а иногда орнаментировали ихъ, придавая имъ форму животнаго, птицы или рыбы. Г. Брюхановъ принесъ секретарю уральскаго общества любителей естествознанія О. Клеру полированное орудіе, весьма искусно сдѣланное изъ ядвита, найденное Брюхановымъ въ лѣсу у Карасья озера (въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ). Хотя орудіе это г. Клеръ и принимаетъ за топоръ или молотокъ; но я бы предпочелъ назвать его мотыкою, потому что немного сплюснутый обухъ этого орудія и имѣющій съ обѣихъ сторонъ впадины, могъ быть удобно обхватываемъ однимъ концомъ рукоятки и приспособленъ для рытья земли. На рѣкѣ Вельвѣ (въ Соликамскомъ уѣздѣ) было найдено много кремневыхъ ножей, а при обработкѣ поля на рѣкѣ Туѣ (притокъ Камы), были открыты шлифованный топоръ изъ змѣвика и ручной шлифованный камень, овальной формы изъ глинистаго сланца^{*)}. Это обстоятельство служитъ вещественнымъ доказательствомъ трудолюбія первобытныхъ жителей и показываетъ, какъ много труда и терпѣнія требовалось для отшлифованія топора.

Въ устройствѣ жилищъ первобытные люди не были изыскательны. Природныя пещеры, выкопанныя и покрытыя ямы и наскоро устроенный шалаши или поставленная юрта служили имъ отличнымъ убѣжищемъ, пріютомъ или помѣщеніемъ. Въ жилищѣ горѣлъ вѣчный огонь; возлѣ очага человекъ работалъ, спалъ и обѣдалъ, опрятностью онъ не отличался, а потому соръ не выносился изъ жилища, и обглоданныя кости, черепки посуды, обломки орудій валялись тутъ же. Горный инженеръ Ф. Гебауэръ (въ 1879 г.) изслѣдовалъ костеносныя пещеры по теченію рѣчки Пышмы, ниже села Сухоложскаго (въ Камышловскомъ уѣздѣ), состоящую изъ трехъ камеръ, имѣющихъ корридоръ и цилиндрическіе каналы. По мнѣнію г. Гебауэра, здѣсь первоначально жилъ пещерный медвѣдь, коего найденъ былъ большой черепъ. Медвѣдь былъ вытѣсненъ человекомъ, который, занявъ пещеру, отдѣлалъ ее по-своему; стѣны камеръ оказались выглажены. Форма стѣнъ и потолка была сводообразна. Въ первой камерѣ были найдены остроугольные или мало окатанные обломки роговика и изъ нихъ нѣкоторые носили слѣды грубой отдѣлки. Въ третьей камерѣ открытъ былъ каналъ, въ почвѣ котораго были найдены грубо отдѣланныя почти совсѣмъ сгнившія ступеньки изъ жердей и утоптанной глины. Въ пещерахъ вылали очаги, какъ доказываютъ пепель, куски угля и остатки дерева хвойнаго и березоваго, немного обугленные, найденные въ двухъ камерахъ. Пещерные жители питались мясомъ дикихъ животныхъ, которыхъ загоняли или заманивали въ ловушки, или убивали на охотѣ. Остатки ихъ обѣды составляютъ обглоданныя, разбитыя, а отчасти и обугленные кости животныхъ: лося, овцы, зайца, быка, оленя, коня, серны, и кости птицъ. Дикари промысливали рыбу и ловили раковинъ, какъ доказываютъ, найденныя въ пещерѣ Гебауэра: скорлупа нѣнѣ живущихъ видовъ

раковинъ, чешуя и кости рыбъ. Народъ, жившій здѣсь въ палеолитическій періодъ, стоялъ уже на значительной степени развитія, хотя орудій и не шлифовалъ. Изъ орудій въ первой камерѣ были найдены: два кремневыхъ наконечника стрѣлъ, наконечникъ копья изъ кремнисто-глинистаго сланца, костяное долото, довольно тщательной отдѣлки и нѣсколько орудій изъ кости. Присутствіе костей собаки въ упомянутой пещерѣ наводитъ насъ на мысль, что человекъ уже пытался приручить это животное^{**)}. Въ пещерахъ Дыроватаго камня, въ Кунгурскомъ уѣздѣ, на берегу рѣчки Чусовой мѣстные жители находятъ костяные наконечники стрѣлъ и другія вещи, называемыя ими Чудскими^{***)}. Не подлежитъ сомнѣнію, что пещерные жители употребляли въ пищу ягоды и овощи; но остатки ихъ сохранились до нашего времени въ пещерахъ не могли.

Признаковъ людоѣдства на Уралѣ не открыто. Повидимому, пещерные жители укладывали покойниковъ въ пещерахъ и снабжали ихъ яствами, посудой и орудіями, какъ можно заключить изъ описанія пещеры, расположенной у ручья Ямазе, впадающаго въ р. Симъ (въ Уфимскомъ уѣздѣ) и посѣщенной въ 1770 г. Палласомъ, который говоритъ, что входъ въ пещеру былъ выложенъ изъ камня въ видѣ свода; а внутри пещеры валялись кости животныхъ: коня и другихъ. Между костями животныхъ находились остатки людей, какъ-то: кости, зубы и маленькій черепъ^{****)}. На берегу рѣчки Чаньвы, въ полугорѣ (въ Соликамскомъ уѣздѣ) находится пещера съ чрезвычайно правильной полукруглою аркой, составляющей входъ. Полъ чаньвинской пещеры покрытъ сплошь известковымъ щебнемъ, плитами и камнемъ. На полу, въ трещинахъ стѣнъ залегаютъ кости, чаще трубчатыя или ребра, а даже находили здѣсь и человѣческіе черепки. Въ этой пещерѣ, въ щели А. Ивановъ нашель массу черепковъ посуды, сдѣланной изъ глины, перемѣшанной съ раковинами; работа ея и узоры чрезвычайно древни. Кромѣ того, онъ нашель зубъ съ частью верхней челюсти и позвонокъ пещернаго медвѣдя; изъ костей же другихъ животныхъ, найденныхъ въ пещерѣ, онъ упоминаетъ нижнюю челюсть бобра, давно уже угасшаго, и зубы коня, коровы, свиньи^{*****)}.

За недостаткомъ природныхъ пещеръ на мѣстахъ жительства, люди копали ямы и устраивали себѣ искусственныя пещеры, подражая природѣ и приспособляя эти подземелья къ своимъ потребностямъ и выгодамъ. Такія подземныя жилища были открыты на значительной глубинѣ около ручья Колчедановки (верстахъ въ 20 отъ Каменскаго завода) въ Камышловскомъ уѣздѣ, повывше впаденія означеннаго ручья въ р. Исеть. Въ этихъ подземныхъ жилищахъ, во время посѣщенія ихъ Палласомъ, было найдено много кусковъ обугленнаго дерева^{*****)}.

Кромѣ пещерныхъ обитателей были еще прибрежные жители, которые, не пренебрегая дичью, ягодами и овощами, болѣе обращали вниманіе на рыбу и раковины. Это были рыбаки, которые селились обыкновенно на берегу рѣчки или озера, гдѣ они устраивали себѣ юрты или землянки, которыя по ветхости не могли сохраниться. Судя по найденнымъ человѣческимъ издѣліямъ, надобно

*) Горный журналъ. 1880 г. II. Апрель—май стр. 76—83.

**) Труды общества естествоиспытателей при Императорскомъ казанскомъ университетѣ т. X вып. I стр. 36.

***) P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. St.-Petersburg, 1773. Th. II. B. I. S. 40—42.

****) Труды общества естествоиспытателей при Императорскомъ казанскомъ университетѣ. Т. X, вып. 1, стр. 40—41.

*****) P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs. St. Petersburg, 1773. Th. II. B. I. S. 282.

*) Записка уральскаго общества любителей естествознанія т. VI вып. 1-й стр. 10.

полагать, что рыбаки селились большими семействами, и что число прибрежных поселеній каменнаго вѣка было довольно значительно. Рыбаки промышляли раковинъ, ловили рыбу на крючки, били ее острогой, или лучили, т.-е. убивали ночью острогой, плавя на лодкѣ, выдолбленной изъ цѣлаго ствола, на носу которой помѣщался огонь. Прибрежные жители имѣли много посуды; но въ ней они ничего не варили и рыбу ѣли сырую, и только съ теченіемъ времени они пріучились ее варить. Прибрежные жители имѣли свои мастерскія, гдѣ выдѣлывались орудія.

Послѣ сообщенія доктора А. Миславскаго, видѣнныхъ имъ случайно въ заводской конторѣ Рудянки (въ 30 верст. отъ г. Екатеринбургa), нѣсколькихъ черепковъ и каменнаго долота, вырытыхъ золотонискателями изъ-подъ торфа, А. Ивановъ изслѣдовалъ берега озера Екатеринбургскаго уѣзда. Ивановъ осмотрѣлъ Малевскій торфяникъ, т.-е. широкую болотистую долину, посреднѣ которой протекаетъ Нейва, простирающуюся къ востоку отъ Рудянки и здѣсь, въ золотосодержащихъ пескахъ, залегающихъ подъ торфяниками, ближе къ гранитнымъ окраинамъ, онъ встрѣтилъ черепки глиняной посуды и каменные орудія. По выводамъ Иванова, тутъ когда-то существовало глубокое, продолговатое озеро, окаймленное невысокими гранитными выступами съ пологимъ песчанымъ берегомъ. Тамъ, гдѣ гранитная окраина отступила отъ водной поверхности, тамъ образовалось прибрежное болото. Люди каменнаго вѣка жили на отлогомъ песчаномъ берегу, на отмеляхъ, въ разстояніи отъ гранитныхъ выступовъ на 20—40 сажень. Когда же озеро стало заростать, то площадь прибрежной водной растительности стала увеличиваться, и берега повсюду затянулись зыбкими трясинами, тогда уже человекъ покинулъ берега озера. Малевскіе рыболовы были еще и охотниками, потому что здѣсь раньше подъ торфомъ были находимы рога и кости животныхъ; они имѣли свою мастерскую орудій. У самаго почти берега Ивановъ нашелъ плиту изъ слюдястаго сланца, замѣтно выгнутую и гладко выполированную на одной сторонѣ, служившую для шлифованія орудій, и тутъ же при ней лежало каменное отшлифованное долото. Изъ орудій въ Малевскомъ торфяникѣ золотопромышленники больше всего находятъ отполированные долота и топоры изъ синеватой яшмы, неолитическаго періода. У жителей было много глиняной посуды, но они въ ней ничего не варили. Въ посудѣ они сохраняли яства, носили въ ней рыбу, таскали ягоды, черпали воду. Черепки посуды неравномерно залегаютъ въ культурномъ слоѣ; они лежатъ кучками, большими и малыми, и образуютъ прослойки. Посуда дѣлалась изъ тальковой глины или озернаго ила. Работа груба, обжогъ несовершенный. На малевскихъ черепкахъ Ивановъ различаетъ три типа узоровъ: 1-й узоръ былъ составленъ изъ сочетанія ломанныхъ линій, расположенныхъ параллельно верхнему краю горшка, 2-й изъ червеобразныхъ полосъ, чередующихся съ выдавленными крупно-точечными линіями, 3-й же орнаментъ состоитъ цѣликомъ изъ мелкихъ точекъ, сгруппированныхъ то въ параллельно идущія, то подъ угломъ изгибающіяся, линіи. Другое поселеніе Ивановъ открылъ въ сѣверо-восточномъ углу Шигирскаго озера (въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ), къ которому прилегаетъ мощный торфяникъ, покоящийся на золотосодержащемъ слоѣ, заключающемъ многочисленныя остатки древней культуры. Жители этого поселенія всецѣло принадлежатъ неолитическому періоду; они были болѣе развиты, чѣмъ малевскіе рыболовы. Повидимому, эти люди уже умѣли варить себѣ кушанье и такимъ образомъ жесткіе плоды растеній или зерна дѣлали пригодными для пищи. Достоинно вниманія, что на трехъяршинной глубинѣ подъ торфомъ, въ 15-ти саженьяхъ отъ видимаго прежняго берега озера была найдена дере-

вянная ложка грубой работы и тутъ же лежалъ обломокъ одноручнаго весла. Въ отмеляхъ валяются черепки посуды, въ коихъ Ивановъ различаетъ два сорта. Черепки изъ тальковой глины представляютъ орнаментацию, аналогичную съ малевскими; черепки же изъ глины, явственно обожженные, болѣе тщательной отдѣлки, имѣютъ рисунки совершенно отмытые. У шигирскихъ обитателей была своя мастерская орудій; орудія они шлифовали. Въ присутствіи Иванова изъ шигирскаго торфяника были вытащены: круглая плоская плитка изъ плотнаго хлористаго сланца, тщательно выполированная съ одной стороны, съ ровными отполированными краями и круглымъ правильнымъ отверстіемъ посреднѣ, и недѣланное орудіе изъ мелко-чешуйчатаго хлористаго сланца. На днѣ озера, когда оно было спущено нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ цѣлью промыть пески, то въ нихъ нашли полированные каменные орудія и человѣческую нижнюю челюсть. Шигирскіе жители были вѣроятно плохими охотниками, потому что въ торфяникѣ найдено только нѣсколько обломковъ костей животныхъ и зубъ бураго медвѣдя^{*)}, а питались они, повидимому, рыбой, раковинами, зернами, овощами, ягодами, и умѣли уже жарить и варить себѣ кушанье.

Екатеринбургъ.

Ольгердъ Вильчинскій.

(Продолженіе будетъ).

АВТОБІОГРАФІЯ С. С. ШАШКОВА.

По переходѣ въ философію, занятія сдѣлались разнообразнѣе и уже не ограничивались долбней; мы занимались физикой, ворочали мозгами надъ вопросами логики и психологіи, и я дополнялъ чтеніемъ то, что узнавалъ въ семинаріи. Ректоръ и инспекторъ были уже новые и нѣсколько лучше старыхъ. Наступленіе новаго царствованія дѣйствовало возбужденно на молодыя умы. Я началъ уже интересоваться общественными вопросами, особенно безчисленными ходившими по городу списками разныхъ относящихся къ Россіи сочиненій, и газетными обличеніями. Въ это время случилось событіе, которое сдѣлало мою жизнь нѣсколько свободнѣе прежняго. Въ той церкви, въ которую, съ увеличеніемъ семейства, отецъ перешелъ изъ малоходнаго собора, служилъ вмѣсто дьячка «запрещенный» священникъ Рубцовъ, благочинный же Ш. хотѣлъ сбыть отца, чтобы очистить его мѣсто для своего сына, кончившаго курсъ. Устроено было такъ, что Рубцовъ чѣмъ-то вывелъ отца изъ себя, и онъ далъ ему въ зубы. Началось дѣло. Отца въ наказаніе перевели въ какую-то отдаленную и бѣдную деревню Почечуй; отецъ взялъ свидѣтельство о болѣзни, вышелъ въ отставку и уѣхалъ съ семействомъ въ Кяхту, гдѣ онъ поступилъ регентомъ пѣвческаго хора. Я остался жить на квартирѣ, читалъ, писалъ стихи и однажды за нихъ чуть было не былъ исключенъ изъ семинаріи. Я былъ знакомъ съ однимъ гимназистомъ, жившимъ на квартирѣ у своей родственницы, мѣстной аристократки, двѣ дочери которой только что вышли изъ института. Въ одну изъ нихъ я и не замедлилъ влюбиться и написалъ ей цѣлую тетрадь стиховъ, которая попалась матери, была представлена ею ректору и меня потянули къ Исусу. Меня спасли только хлопоты исправлявшаго тогда должность инспектора учителя Домскаго и то, что мать Наденьки Г., одумавшись, сама-же

^{*)} Труды общества естествоиспытателей при Императорскомъ казанскомъ университетѣ. Т. X, в. I, стр. 43—51.

просила ректора замѣть дѣло, чтобы не дать ему огласки. Меня съ перваго мѣста въ классѣ ссадили на послѣднее и держали на немъ годъ. (Около того же времени, я принялся секретно отъ всѣхъ писать прозаическія статьи, начало которыхъ и явилось въ «Иркутскихъ Вѣдомостяхъ» 1858 г. подъ заглавіемъ «Буряты Иркутской губерніи, ихъ нравы, обычаи, вѣрованія, легенды, пѣсни». Подъ статьей была моя полная подпись. Учители З. и Д. испугались за меня, думая, что мнѣ за сочиненіе этой статьи достанется отъ начальства и совѣтовали попросить отца, чтобы онъ принялъ составленіе этой статьи на себя. Вы, читатель, не подумайте, что въ статьѣ было что-нибудь либеральное — рѣшительно ничего — но либераленъ былъ уже тотъ фактъ, что семинаристъ, мальчишка осмѣливается заниматься тѣмъ, чѣмъ не полагается и печатаетъ безъ дозволенія о. ректора.) Но начальство на статью не обратило вниманіе, и бѣда прошла, да я думаю, что при тогдашнемъ благодушномъ и образованномъ архіерее Евсевіѣ и бѣды никакой не было бы; вотъ при его предшественникѣ Аѳанасіѣ—другое дѣло. Крутой былъ владыка. Однажды, еще будучи въ словесности, я шель купаться къ мельницѣ, стоявшей за громадной архіерейской заимкой. Такъ какъ дорогу пересѣкаетъ рѣка Ушаковка, то, чтобы не перебродить черезъ нее, мы обыкновенно перелѣзали черезъ плетень, ограждавшій въ этомъ мѣстѣ заимку и по-суху, мимо архіерейской купальни, проходили къ мельницѣ. Я шель одинъ, вдругъ изъ упомянутой купальни выскакиваетъ въ одномъ бѣльѣ, съ палкою въ рукѣ и весь красный отъ злости владыка. «Кто такой?» кричитъ. Я назвалъ себя. «Какъ смѣлъ, ка-а-акъ ты смѣлъ? Завтра же прикажу инспектору выпоротъ тебя черезъ пару слугителей. Пошелъ!» Вернувшись домой, я скоро оправился отъ страха, сообразивъ, что въ каникулы пороть не будутъ, а послѣ каникулъ Аѳанасій забудетъ. Такъ и вышло. Но я заговорилъ о первой статьѣ своей. (За нею слѣдовало нѣсколько другихъ, но уже безъ подписи; въ то же время я началъ писать стихи, уже не въ прежнемъ фетовскомъ родѣ, а въ общественномъ. По рукамъ тогда ходило множество рукописей, между прочимъ со стихами Некрасова, Огарева, Плещеева и т. д. Въ открывшейся тогда публичной библіотекѣ собирався интеллигентный кружокъ, въ которомъ обсуждались всякіе общественные вопросы и будировали противъ мѣстнаго начальства, которое злилось на библіотеку и называло ее яковинскимъ клубомъ. Я былъ подписчикомъ и нерѣдко, читая въ библіотекѣ газеты, подслушивалъ интересныя для меня бесѣды, ведшіяся въ сосѣдней комнатѣ между членами кружка. Въ то же время, я познакомился съ даровитымъ и благороднымъ учителемъ гимназіи Никоновымъ, писавшимъ недурные стихи, и поэтомъ Красносельскимъ, имѣвшимъ лѣтъ 20 отъ роду. Лысковскій мѣщанинъ, служившій у кого-то прикащикомъ, онъ по торговому дѣлу былъ посланъ хозяиномъ на Амуръ, но записъ въ Иркутскѣ и былъ брошенъ ѣхавшимъ съ нимъ товарищемъ. По случаю заключенія айгунскаго договора онъ написалъ оду и поднесъ ее Муравьеву-Амурскому, а послѣдній поручилъ поэта заботливости генерала Кукеля. Двадцатилѣтняго и уже пившаго горькую Красносельскаго помѣстили въ 1-й классъ гимназіи, но, понятно, что изъ этого ничего не вышло, гимназическій мундиръ былъ пропитъ, классы брошены. Красносельскій былъ истинный поэтъ, но нисколько не развитой; онъ спился окончательно и скоро умеръ. Начавъ одой мѣстной администраціи, онъ потомъ перешель къ сатирѣ, въ которой упражнялся и я съ Никоновымъ. Чувства оппозиціи, давно уже бродившія въ иркутскомъ

обществѣ, дошли до крайняго напряженія въ 1857 году. Молодые чиновники, окружавшіе генераль-губернатора, дозволяли себѣ многое, что возмущало жителей. На пасхѣ 1857 г., членъ совѣта главнаго управленія оскорбилъ чѣмъ-то чиновника Неклюдова; послѣдній избилъ Беклемишева, а этотъ вызвалъ его на дуэль. Говорили, и не только говорили, но даже писали, печатали и доказывали при разбирательствѣ этого дѣла въ сенатѣ, что Неклюдовъ отказался отъ дуэли, но его увезли силою и около какуевской заимки на горѣ застрѣлили въ упоръ изъ пистолетовъ, данныхъ вице-губернаторомъ Извольскимъ; въ этомъ принималъ личное участіе и полиціймейстеръ Сухотинъ, смотрѣвшій на эту бойню въ трубу съ колокольни сосѣдней успенской церкви. Дѣло было въ 4 часа утра. Днемъ уже весь городъ зналъ о «дуэли» и въ квартиру Неклюдова (котораго лично почти никто изъ иркутянъ не зналъ, такъ какъ онъ только что пріѣхалъ въ Иркутскъ), стремились уже толпы народа. Въ губернской типографіи, которою завѣдывалъ тогда Спѣшневъ, были напечатаны и разнесены по городу повѣстки о времени и мѣстѣ погребенія Неклюдова, и на похороны его привалило народа нѣсколько тысячъ. Петрашевскій готовился сказать рѣчь, но начальство узнало объ этомъ и на этотъ день его куда-то заперли. Похороны прошли спокойно, но волненіе, поднятое дуэлью, не улеглось болѣе года. Дѣло переслѣдовали, трупъ Неклюдова вырывали изъ могилы, совѣтникъ губернскаго суда Ольдекопъ, однако, посидѣлъ въ острогѣ за ревностное стараніе доказать, что это была не дуэль, а убійство. Беклемишева съ его секундантами Анненковымъ, и Гурьевымъ, судили все-таки за дуэль и приговорили къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ ареста, но это было уже года черезъ 1½, а до тѣхъ поръ имъ и полиціймейстеру пришлось вынести нѣсколько личныхъ оскорбленій на улицѣ отъ прикащиковъ и другихъ обывателей. Это движеніе породило цѣлую стихотворную литературу. Назавтра послѣ дуэли архіерей, обѣдая у какого-то купца, рѣзко высказался противъ убійства, а какой-то прикащикъ пустилъ по городу вирши въ такомъ родѣ:

Какъ шестнадцата апрѣля
Близъ заимки архіерея
Случилася бѣда,
Плутъ начальникъ отдѣленья
Изъ-за мести, изъ-за мщенья
Убилъ молодца и т. д.

Дуэлисты вообразили, что эти вирши съ архіерейскаго голоса писалъ семинаристъ и кто-то изъ нихъ составилъ и пустилъ по рукамъ стихи, изъ которыхъ я помню слѣдующее:

Смысломъ убогіе, помысломъ грязные,
Вотъ они, вотъ они вышли на свѣтъ
И появились насквили разные,
Есть ли въ нихъ истинны слѣдъ?
Стихъ семинарскій, ухватки лакейскія,
Что же за принципъ онъ взялъ?
Рѣчи повелъ за столомъ архіерейскія,
Послѣ стишокъ написалъ.
Плюньте на нихъ, и пускай ихъ ругаются,—
Въ наши великіе дни
Тамъ надъ Россіей заря занимается,
Витязи ночи они!

Въ отвѣтъ появились стихи, писанные покойнымъ Никоновымъ и другими.

Всѣ эти стихи быстро расходились по Иркутску, особенно написанное мною подражаніе одной пѣснѣ Беравже. Мало этого, каждое утро въ разныхъ мѣстахъ города, на

заборахъ, появлялись надписи на начальство, и тоже большею частью стихами, въ родѣ вышеприведенныхъ приказчиныхъ, и полицейскіе солдаты каждое утро смывали и стирали эти надписи. Статьи Д. Завалишина въ «Морскомъ Сборникѣ» о безобразіяхъ амурской колонизаціи читались на расхватъ, иркутскія корреспонденціи въ «Искрѣ» съ портретами главныхъ администраторовъ края производили фуроръ. Болѣе всѣхъ въ Иркутскѣ шумѣлъ въ это время извѣстный Петрашевскій; онъ былъ высланъ сначала въ Усолье, потомъ въ Енисейскъ. Начальство, впрочемъ, почему-то не принимало никакихъ крутыхъ мѣръ противъ распространенія упомянутыхъ стихотвореній, всѣ авторы которыхъ были извѣстны, и даже, какъ уже сказано, само немного участвовало въ этой стихотворной войнѣ...

Съ переходомъ въ богословскій классъ я, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими товарищами, былъ посвященъ въ стихарь, и дважды говорилъ проповѣди въ церкви. Замѣчу кстати, что эти проповѣди семинаристы часто не писали, а просто списывали съ книги или съ рукописи, и выдавали за свои. Это обыкновеніе было такъ вкоренено, что когда я однажды, списавъ проповѣдь съ рукописной учителя Попова, подаль ее добрѣйшему инспектору монаху Митрофану, послѣдній, прочитавъ, сказалъ: «Вы это изъ «Воскреснаго Чтенія» списали?» — «Нѣтъ, съ рукописной проповѣди Н. И. Попова». — «Ну, такъ онъ списалъ изъ «Воскреснаго Чтенія». И только. Даже отмѣтку 5 поставилъ. Даже лучшіе проповѣдники изъ священниковъ, напримѣръ, протоіерей Прокопій Громовъ, иногда списывали. Я по крайней мѣрѣ знаю такую штуку. Когда я былъ еще въ училищѣ и мы ждали новаго архіерея Аѳанасія, смотритель Громовъ велѣлъ мнѣ выучить наизусть написанную имъ привѣтственную рѣчь, которую я помню до сихъ поръ: «Высокопреосвященнѣйшій владыка, милостивѣйшій архипастыръ и отецъ! Восемь іерарховъ благословляли вертоградъ сей, и ты восполняешь девятичисленный ликъ посѣщавшихъ его ангеловъ иркутскія церкви. Прими же, любвеобильный отецъ, лепеть дѣтей готовыхъ, но еще неумѣющихъ выразить тебѣ своего обрадованія, преложи руцѣ на Ефрема и Манассію, да будемъ вси первенцами, одни по дару уже извѣданному, другіе по дару твоего архипастырскаго благословенія, сильнаго и оскудѣвающаго восполнить». Уже въ 70-ыхъ годахъ я случайно прочелъ эту привѣтственную рѣчь въ какихъ-то воспоминаніяхъ, кажется въ «Русскомъ Архивѣ», и тогда только убѣдился, что Громовъ списалъ ее тоже, вѣроятно, изъ «Воскреснаго Чтенія». Нужно, впрочемъ, сказать, что въ семинаріи терпѣлось, да и то не, всѣми преподавателями, только списывавъ проповѣдей, всѣ же другія классныя сочиненія, особенно по логикѣ и психологіи, семинаристы писали обыкновенно сами и немало упражняли надъ ними свои мозги, отчего въ умственномъ отношеніи были развитѣе гимназистовъ. Но экзамены (дважды въ годъ) были чистой комедіей. Хотя всѣ готовились къ нимъ усердно, но отвѣчали большею частию по билетамъ, въ которыхъ мелкимъ почеркомъ вписывались подробные конспекты отвѣтовъ. Кромѣ того, экзаменаторъ, ректоръ или инспекторъ, обыкновенно вовсе не зналъ ни алгебры, ни геометріи, ни физики, ни естественной исторіи, ни сельскаго хозяйства, ни медицины и зналъ крайне плохо всеобщую и русскую исторію, такъ что, отвѣчая по этимъ предметамъ, можно было врать, учитель же молчалъ, такъ какъ былъ лично заинтересованъ въ хорошихъ отвѣтахъ своихъ учениковъ. Особенно потѣшны были экзамены по сельскому хозяйству, которое преподавалось

4 года, и медицинѣ—2 года. Почти никто никогда уроковъ по этимъ предметамъ не готовилъ (я, напр., ни одного урока), и учителя ихъ не спрашивали, а только читали, какъ въ университетѣ; на экзаменѣ же ученики городили все, что имъ Богъ на душу положить, и это было даже полезно, такъ какъ пріучало къ воротливости ума, необходимой для сочиненія отвѣтовъ о томъ, о чемъ и понятія не имѣешь. Экзамены же по предметамъ философскимъ и богословскимъ доставались очень трудно, особенно если бывалъ архіерей, въ родѣ Аѳанасія. Когда я изъ училища переходилъ въ семинарію, экзаменовалъ онъ. Шель катихизисъ. Вызвалъ Аѳанасій меня, я вышелъ, но онъ вопроса не задаетъ, молчитъ, молчу и я.—«Ну-у, отвѣчай», кричитъ владыка своимъ хриплымъ басомъ.—«Вы не задали вопроса». — «Отвѣчай безъ вопроса». Я и началъ валять сначала, передѣлывая вопросы такъ, что они служили связью между отвѣтами. Пропоролъ я такимъ образомъ чуть не половину катихизиса. Владыка, подыргивая отъ восторга, кричалъ: «превосходно, превосходно!»—«Каково, а?» говорилъ онъ, обращаясь къ смотрителю, протопопу Громову. «Отлично, хорошо в. в.—ство» отвѣчалъ тотъ, кланяясь съ напускнымъ умиленіемъ.—«Нѣтъ, да ты пойми, говорилъ ему владыка,—безъ вопросовъ! И отвѣчаетъ!» Я назвалъ экзамены комедіей, да они и не могли быть не комедіей по тому множеству предметовъ, какіе должны были изучать семинаристы. Я, напр., учился богословію—1) догматическому, 2) нравственному, 3) пастырскому, 4) гомилетикѣ, 5) церковной археологіи, 6) исторіи церкви, 7) исторіи русской церкви, 8) медицинѣ, 9) сельскому хозяйству, 10) изъясненіямъ св. Писанія, преподававшимся 6 лѣтъ, 11) герменевтикѣ, 12) патристикѣ, 13) библейской исторіи, 14) логикѣ, 15) психологіи, 16) русской исторіи, 17) минералогіи, 18) ботаникѣ, 19) зоологіи, 20) физикѣ, 21) всеобщей исторіи, 22) православному исповѣданію вѣры, 23) ученію о богослужебныхъ книгахъ, 24) землемѣрію, 25) черченію, 26) пасхалии, 27) риторикѣ и піитикѣ, 28) алгебрѣ, 29) геометріи, 30) географіи, 31) священной исторіи, 32) русской грамматикѣ, 33) славянской грамматикѣ, 34) ариметикѣ, 35—40) языкамъ: латинскому, греческому, еврейскому, монгольскому, французскому, нѣмецкому (изъ послѣднихъ 4-хъ обязательны только одинъ). При этомъ, по большинству предметовъ, уроки приходилось списывать, да еще подавать сочиненія первые два года еженедѣльно, а послѣдніе 4—ежемесячно. Усердное занятіе всею этою премудростью только отупляло ученика, и мнѣ кажется, что, если лучшіе воспитанники не тугѣли, то единственно благодаря тому, что у нихъ рѣдко спрашивались уроки и они могли часто не готовить ихъ, наверстывая усиленной зубристикой передъ экзаменомъ.

✓ Въ 1860 г. я кончилъ курсъ и былъ посланъ на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ приходилось держать вступительный экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ семинарскаго курса. При всемъ разнообразіи продолжительнаго путешествія, оно надѣло мнѣ ужасно. До Красноярска я ѣхалъ со своимъ товарищемъ Рачковскимъ; отъ Красноярска до Томска съ какой-то барыней, опротивѣвшей мнѣ тѣмъ, что любезничала со мной безъ всякой совѣсти; отъ Томска до Казани съ старопечатнымъ купцомъ Соловьевымъ, который чуть не на каждой станціи, замѣтивъ дичь, останавливалъ ямщика, вылѣзалъ съ ружьемъ, подкрадывался и стрѣлялъ всегда съ промахомъ, потомъ, возвращаясь, съ недоумѣніемъ хлопалъ себя по бедрамъ и, сказавъ: «аллегорія да и только», садился въ повозку. Когда я пріѣхалъ въ Казань, въ сентябрѣ 1860 г., пріемъ

ные экзамены студентовъ, съѣхавшихся изъ 14 семинарій, были уже кончены и мнѣ предстояло экзаменоваться одному въ правленіи. Когда я явился къ инспектору, добрейшему старцу Веніамину, онъ встрѣтилъ меня словами: «Бѣдный, бѣдный, изъ какой дали вы пріѣхали! А что, высокая гора Уралъ?»—«Высокая.»—«Сколько же верстъ нужно подниматься на нее?» Я, желая сказать, сколько верстъ приходится ѣхать по горамъ до высшаго пункта перевала, сказалъ, что верстъ сто, а инспекторъ понялъ, что это вышина-то горы сто верстъ и только испуганно проговорилъ: «ай-ай-ай!» Узнавъ изъ разговора, что я особенно люблю историческое чтеніе, инспекторъ не одобрилъ моего вкуса и рѣшительно не совѣтовалъ заниматься исторіей. «Историки!» говорилъ онъ съ ироніей, — «сегодня то говорятъ, а завтра другое. Давно-ли восхваляли Петра: «онъ Богъ, онъ Богъ твой, о Россія», а нынѣ что объ немъ пишетъ г. Семевскій? Нѣтъ, ты напиши мнѣ такую исторію, чтобы ужъ навсегда вѣрною была». Не одобрялъ инспекторъ и философіи, не одобрялъ и другихъ наукъ, но влиянія въ академіи онъ никакого не имѣлъ и въ дѣла вовсе не вмѣшивался.

Настоящей главой, описывающей періодъ уже юношества, оканчивается къ сожалѣнію автобіографія С. С. Шашкова. У насъ есть еще поѣздка его въ Кяхту, но она относится къ другому періоду его жизни по возвращеніи изъ университета. Продолжить біографію покойнаго и условія его развитія предстоитъ по воспоминаціямъ и разсказамъ знавшихъ его лицъ. Эти воспоминавія мы стараемся сосредоточить въ своихъ рукахъ.

ТАЙГА.

(Очеркъ изъ жизни пріисковыхъ рабочихъ).

Величественна дикою красотою тайга: на необозримое пространство тянется темнозеленый хвойный лѣсъ, покрывал сплошную массую крутые склоны высокихъ горъ, уходящихъ непрерывною цѣпью въ синюю даль, на край горизонта. Широкія болотистыя долины прорѣзаются быстрыми рѣчками, съ бѣшенымъ ревомъ разбивающими воды свои о камни. Извивающаяся змѣею узкая тропа ведетъ въ тайгу чрезъ топи, опасныя броды, чрезъ горы по краямъ пропастей. Громадные кедръ, ели и пихты, какъ сказочныя великаны, стѣною подступаютъ къ тропѣ, словно стараясь загородить собою входъ въ эту зановѣдную лѣсную глушь, въ это царство угрюмаго безмолвія,—царство спящей красавицы.

Много нетронутыхъ минеральныхъ богатствъ скрыто въ нѣдрахъ твоихъ, тайга! Скоро ли наступитъ то благодатное время, когда благородный рыцарь науки разбудитъ тебя, красавица, отъ вѣковаго сна, укажетъ намъ богатства твои, научитъ насъ разумно пользоваться ими, разовѣетъ въ насъ производительныя промышленныя силы?.. Скоро-ли! — неизвѣстно... А пока пигмеи челоуѣчества съ мелкими эгоистическими страстишками пользуются случаемъ, расхищаютъ первое богатство твое—золото.

«Золотопромышленность»... какою ироніею звучитъ это слово въ ушахъ истиннаго сибиряка. Промышленность и золото. Что общаго въ этихъ понятіяхъ! Кто обрабатываетъ у насъ сырой матеріалъ—золото, кто пользуется благами этой обработки, экономическими благами производительной промышленности, или, по крайней мѣрѣ, кто пользуется этимъ золотомъ, какъ средствомъ для поднятія и развитія мѣстной производительной промышленности? Наконецъ, какую пользу

приноситъ краю эта «золотопромышленность» въ настоящее время? — Мы позволимъ себѣ отвѣтить пока на послѣдній вопросъ.

Первое октября—день разчета пріисковыхъ рабочихъ. Въ ближайшемъ къ тайгѣ селѣ, гдѣ находятся резиденціи золотопромышленниковъ, ждуть «бергальовъ»: *) моютъ, скребутъ, чистятъ, точно готовятся встрѣтить великопраздничный праздникъ. Явились бергалы, смотрятъ: эка благодать: народу-то, народу... лавки заманчиво пестрѣютъ товарами, кабаки растворены настеежъ, дѣвчонки спуютъ въ народѣ... Покутить, значить, бергальская натура!

Стали бергалы по квартирамъ; хозяева добрые, услужливые, ласковые. Послали за виномъ, выпили «съ дороги», повеселѣли, разговорились. У хозяйна дочка, юркая дѣвчонка, сдѣлалась именинницей; подноситъ «дядюшкамъ» по рюмкѣ водки. Дядюшки «продрамливаютъ» мнимую именинницу, выпиваютъ и кладутъ на именины—кто рубль, кто три.

— И какъ ребяташки-то любятъ васъ, ребяташки, говорить бергаламъ ласковая хозяйка, такъ и льнутъ вотъ, какъ мухи къ меду...

Отдохнули бергалы послѣ утомительной дороги, отравились покупать обновки. Торгаша запрашиваютъ за гнилой товаръ втрое и уступаютъ вдвое дороже обыкновенныхъ продажныхъ цѣнъ.—Для васъ только, ребята, уступаю, говоритъ торгашъ, ей-Богу, дешевле нельзя,—себѣ въ убытокъ. Накупили бергалы шалей, бобровыхъ шапокъ, плисовыхъ поддевокъ, шароваръ, красныхъ рубахъ, гармоникъ. Иной тутъ же у лавки наряжается: снимаетъ и бросаетъ старое платье и надѣваетъ новое, повязывается шалью крестообразно на груди, идетъ и наигрываетъ на гармоникѣ.

Пошли бергалы гулять по улицамъ; распѣваютъ безобразныя пѣсни, куражатся, шумятъ, бранятся; заходятъ въ кабаки, пьютъ вино и угощаютъ безденежныхъ и пропившихся товарищей. Идутъ по улицѣ, встрѣчаютъ пріисковаго служащаго. «Сторонись, морду разобью!» кричитъ бергаль. И дѣйствительно, сторонись и уходи,—бергаль не будетъ много разговаривать, онъ теперь вымѣщаетъ злобу. Иной подойдетъ къ дому хозяйна или довѣреннаго и ругаетъ его до тѣхъ поръ, пока самому не надоѣстъ ругаться.

Богатые бергалы, не зная какъ сбыть поскорѣе деньги, начинаютъ «дурить»: закуриваютъ кофечныя трубки кредитными билетами, катаются съ проститутками въ саняхъ по голой землѣ, ходятъ по разостланнымъ въ грязь ситцамъ или носятъ ихъ пропившалея братія изъ кабака въ кабакъ на шальяхъ. Попались на глаза мѣстной полиціи—за всѣ безобразія разчитываются щедро.

Крѣпко напились бергалы, нагулялись, пошли по квартирамъ, пошатывались и падая. Иной какъ свалился, такъ и лежитъ на дорогѣ, другой свалился еще въ кабакѣ. Цѣловальники не дремлютъ, ощупываютъ карманы, прибираютъ деньги къ рукамъ и выбрасываютъ бергальовъ за двери. Съ улицы поднимаютъ павшихъ десятники и тащутъ въ катажку, ощупывая картины съ такимъ же усердіемъ, какъ и цѣловальники.

А въ домахъ пиръ горой стоитъ: изъ оконъ слышится безобразный визгъ женскихъ голосовъ, нестройные звуки гар-

*) Бергаль—мѣстное названіе пріисковыхъ рабочихъ, въ переводѣ съ нѣмецкаго языка означаетъ «медвѣжья жолчъ».

моника, топотъ бѣшеной пляски. Это бергалы гуляютъ съ проститутками. Пришли эти несчастныя созданія «на заработки» сами, привели матери дочерей, братья сестеръ, мужья женъ... и зарабатываютъ онѣ много, обирая въ сладострастныхъ объятіяхъ безчувственно пьяныхъ бергаловъ.

Кутить бергалы. Все, что было на долгое время подавлено въ нихъ тяжелымъ физическимъ трудомъ, тяжелою принсковою жизнью, — все хлынуло наружу разомъ неудержимымъ потокомъ бурныхъ страстей. Кишитъ, шумитъ широкая бергальская патура, сыщлетъ отвратительнѣйшею бранью направо и налево. Отдохнувшія сильныя руки зудятся, просить работы, и вотъ начинается то въ домахъ, то въ кабакахъ, то на улицѣ странная работа—бергальское побойще...

Прошили бергалы потомъ и кровью добытые рубли, нанялись вновь и прошили задатки, прошили за безцѣнокъ одежду, промѣняли новые сапоги на брошенные самими же старые бродни, прошили придачу,—ничего больше прошивать.

— Иди, братецъ, здѣсь тебѣ не фатера, говоритъ любезный хозяинъ бергалу.

— Дайте пожить хоть денѣчекъ.

— Нѣтъ, иди,—ребятишки тебя боятся...

И пошли бергалы по деревнямъ прошиваться до отправки на прински—кто работою у крестьянъ, а кто воровствомъ.

Безобразна картина дикаго бергальскаго разгула, печальны его послѣдствія. Отвернитесь, читатель, отъ этой картины и задайтесь лучше вопросомъ: какими путями могъ дойти человѣкъ до такого безобразія?

Гонить въ работу на прински голодь и нужда смышлаго, посланнаго въ Сибирь на произволъ судьбы, какъ въ лѣсъ; гонить нужда крестьянина, платящаго въ годъ податей и разныхъ повинностей отъ 20 до 50 рублей; гонить ихъ годъ, два, пять, десять, гонить до смерти. Сходилъ крестьянинъ разъ-два на прински — онъ уже плохой работникъ дома, плохой семьянинъ, потерянный человѣкъ. Прежде всего тяжелый физическій трудъ перерабатываетъ его натуру по-своему. Посмотрите на бергала, землянаго работника: руки у него какъ медвѣжьи лапы съ непропорціонально развитыми пальцами отъ постояннаго напряженія мускуловъ; грудь выдавалась колесомъ, но это не признакъ здоровья: отъ усиленнаго постоянною работою кровообращенія увеличиваются въ объемъ органы дыханія и центръ кровообращенія — сердце; сердце становится болѣзненно раздражительнымъ. Бергаль въ работѣ сдѣлался звѣремъ; за пустую обиду выругаетъ страшно, а за тяжкую пришибетъ ломомъ или кайлой. Съ другой стороны, принсковая жизнь на всемъ готовомъ содержаніи приучаетъ бергала къ беззаботности, къ безпечности. Грязная обстановка, грубость въ обращеніи, несправедливость, одностороннее развитіе физическихъ силъ въ ущербъ умственныхъ, полнѣйшее отсутствіе полезной духовной пищи—довершаютъ переработку характера бергала. Выходя съ принсковъ, безпечный, развитой съ одной животной стороны, бергаль даетъ полную свободу страстямъ: кутить, развратничаетъ, заражается сифилисомъ и разноситъ болѣзнь по городамъ и весямъ. Громаднымъ запасомъ физическихъ и нравственныхъ силъ долженъ обладать бергаль, чтобы выйти съ принсковъ неизуродованнымъ въ томъ и другомъ отношеніи.

Вотъ вамъ, читатель, польза, приносимая краю золото-промышленностію въ настоящее время. Золотопромышлен-

ность это подруга и помощница винопромышленности, а вмѣстѣ взятыя эти двѣ проклятыя силы медленно, но вѣрно подрываютъ экономическое благосостояніе края.

А. Завитковъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Въ происходившемъ на дняхъ первомъ засѣданіи французской палаты депутатовъ глава министерства Дюклеркъ въ своей рѣчи высказалъ, что египетскія усложненія возникли при бывшемъ министерствѣ и что нынѣшнему кабинету приходится нести на себѣ послѣдствія промаховъ, сдѣланныхъ его предшественниками. Что касается до внутренней политики, состоящей въ огражденіи законности и порядка, то плодотворность ея будетъ зависѣть отъ поддержки министерства палатою. Крайняя лѣвая сторона намѣрена поднять вопросъ о пересмотрѣ конституціи, консерваторы правой стороны намѣрены занять выжидательное положеніе. Радикалы и демократы лѣвой рѣшили отклонять всякія предложенія до голосованія бюджета. По слухамъ, Дюклеркъ пользуется поддержкой Гамбетты и успѣлъ добиться отъ президента республики подписанія декрета о распущеніи палаты съ пробѣломъ для года, мѣсяца и числа, такъ что ему стоитъ только внести ихъ, чтобы положить конецъ палатѣ, неподдерживающей министерства. Пересмотръ конституціи, котораго намѣрены добиваться члены крайней лѣвой стороны, будетъ заключать въ себѣ вопросъ объ избирательной реформѣ въ смыслѣ возвращенія къ выборамъ по департаментскимъ спискамъ, а это поставитъ членовъ лѣвой въ союзъ съ гамбеттистами. Смерть тунисскаго бея Мохамеда-эс-Садока побудила Дюклерка принять мѣры къ фактическому утвержденію протектората Франціи надъ Тунисомъ. Французское правительство объявило Турціи, что оно не допуститъ ея вмѣшательства въ тунисскія дѣла. Аресты социалистовъ еще продолжаются. Французское правительство въ союзѣ съ Россією и Германією вошло въ переговоры съ Швейцарією о выдачѣ политическихъ преступниковъ, но получило въ отвѣтъ, что швейцарская граница съ Франціей имѣетъ небольшое протяженіе и что французы, располагая значительной силой полиціи и жандармеріи, могутъ легко охранять свою границу.

— Въ Каирѣ прибылъ лордъ Дѣфферинъ и встрѣченъ съ большими почестями. Администрація Египта будетъ увеличена въ своемъ составѣ. Явятся новыя должностныя лица по вѣдомствамъ таможенному, военному, морскому, почтовому и государственныхъ имуществъ. Вопросъ о государственномъ долгѣ подвергнутъ разсмотрѣнію международной комисіи, въ которой засѣдаютъ англичанинъ, французъ, итальянецъ и австріецъ; предѣдатель этой комисіи, онъ-же и контролеръ, англичанинъ. Такимъ образомъ Англія располагаетъ въ комисіи двумя голосами; кромѣ того вліяніе ея распространится и на всѣ отрасли управленія Египта, такъ какъ англійскій контролеръ будетъ возведенъ въ санъ египетскаго министра, т.-е. получить титулъ равносильный титулу резидента. Адвокаты Араби-наши надѣются оправдать своего клиента. Приверженцы его распустили слухъ, что будто-бы Араби дано сто ударовъ по пятамъ съ цѣлію побудить къ признаніямъ. За исключеніемъ волненій, выразившихся кое-гдѣ въ уличныхъ безпорядкахъ, какъ говорятъ, спокойствіе въ Египтѣ не нарушается. Сэръ Уэльсли, англійскій главнокомандующій, выѣхалъ изъ Египта.

— Въ Вѣнѣ нѣсколько дней съ-ряду происходили безпорядки. Агитировала толпа рабочихъ. Порядокъ былъ восстановленъ войсками. Число раненыхъ съ обѣихъ сторонъ еще не опредѣлено, имущественныхъ поврежденій, кромѣ нѣсколькихъ выбитыхъ стеколъ, не было. Населеніе Вѣны сильно встревожено. Въ Новомъ-Цештѣ у нѣкого Нарвата

найденъ складъ разрывныхъ снарядовъ и пороха. Полагаютъ, что эта находка имѣетъ нѣчто общее съ бывшими въ Вѣнѣ уличными безпорядками рабочихъ. Бюджетная коммисія делегаций утвердила потребованный австрійскимъ правительствомъ кредитъ въ семь съ половиною милліоновъ гульденовъ на «чрезвычайные» расходы по арміи. По слухамъ, Австрія приступила къ оборонѣ своихъ границъ итальянской и русской.

— Англійская палата общинъ приняла большинствомъ 304-хъ голосовъ противъ 260-ти первую резолюцію Gladstone'а о реформѣ парламентскаго производства. Gladstone'ю видитъ въ излишнихъ преніяхъ затычку разрѣшенія вопросовъ. Въ своемъ биллѣ онъ предлагаетъ выразить принятіе или отрицаніе извѣстнаго проекта исключительно посредствомъ голосованія. Въ рѣчи, произнесенной на банкетѣ лорда-мэра, Gladstone'ю выразилъ, что число аграрныхъ преступленій въ Ирландіи уменьшилось значительно; ихъ прежде насчитывалось до 531 ежемѣсячно, теперь же ихъ совершается около 111 въ мѣсяць.

— Въ Бѣлградѣ 4-го ноября происходилъ совѣтъ министровъ подъ предсѣдательствомъ короля Милана. На этомъ совѣтѣ выяснилось, что нынѣшній сербскій кабинетъ остается во главѣ управленія. Радикалы стараются достигнуть сліянія съ либералами для совмѣстной оппозиціи правительству. Между газетами правительственной партіи и радикальною печатью идетъ ожесточенная полемика. Надняхъ въ Бѣлградѣ соберется скупщина. Слѣдствіе по поводу покушенія на жизнь короля Милана продолжается. Арестованъ зять Ефрема Марковича, Аранженовичъ.

— Турецкое правительство готовитъ коллективную ноту, въ которой намѣревается заявить европейскимъ державамъ, что она выполнила всѣ обязательства, возложенныя на нее берлинскимъ трактатомъ и замѣтитъ при этомъ, что статьи упомянутаго трактата благоприятныя для Турціи до сихъ поръ не приведены въ исполненіе.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ виду ожидавшагося разрѣшенія питейнаго вопроса и разработки новыхъ правилъ объ акцизномъ сборѣ, въ настоящемъ году были выдаваемы виноторговцамъ полугодовые патенты. Срокъ этихъ патентовъ истекаетъ, и потому послѣдовалъ циркуляръ министра финансовъ управляющимъ казенными палатами, гдѣ говорится, что такъ какъ въ порядкѣ выдачи патентовъ никакихъ измѣненій не произошло, то на будущій годъ слѣдуетъ руководствоваться общими правилами устава о питейномъ сборѣ.

— По слухамъ, министерство финансовъ предполагаетъ открывать постепенно отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка въ уѣздныхъ городахъ. Въ составъ отдѣленій банка будутъ входить: предсѣдатель по назначенію министра финансовъ, лицо по назначенію мѣстнаго губернатора и два члена, по выбору уѣздныхъ земскихъ собраній или по приглашенію губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія.

— Въ пограничной съ Монголіей мѣстности въ первыхъ числахъ октября свирѣпствовала сильный стеной пожаръ. Огонь охватилъ пространство около ста сажень.

— Екатеринбургское земское собраніе постановило ходатайствовать объ уничтоженіи института урядниковъ и ассигновать 300 рублей въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ.

— Въ Новгородѣ 28-го октября открыла свои засѣданія губернская питейная коммисія. Заключение уѣздныхъ коммисій уже получены. Большинство остановилось на томъ, что въ отношеніи количества питейныхъ заведеній не слѣдуетъ устанавливать нормы, что вино должно продаваться только на выносъ изъ лавокъ, какъ всякій другой предметъ, специальныхъ же заведеній съ раздробительной продажей вина быть не должно.

— «Новому Времени» сообщаютъ, что въ теченіи настоящей зимы разрѣшится вопросъ о продажѣ казенныхъ лѣсовъ въ губерніяхъ Олонецкой и Вологодской. Лѣса эти, сами по

себѣ весьма цѣнные и занимающіе площадь въ четыреста тысячъ десятинъ, не приносятъ никакого дохода казнѣ, такъ что они оцѣнены по полтора рубля за десятину. Покупатели же предлагаютъ за нихъ не болѣе какъ по 1 р. 20 к. за десятину.

— Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія недавно возбужденъ вопросъ о пригодности учительницъ къ замѣщенію преподавательскихъ должностей въ начальныхъ народныхъ училищахъ. По наблюденіямъ, сообщеннымъ министерству, оказалось, что женщины усерднѣе и лучше занимаются въ школахъ, чѣмъ учителя, о чемъ и передано къ свѣдѣнію и соображенію попечителей учебныхъ округовъ.

— Именными Высочайшими указами: члены кабинета Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ Федоръ Островскій и членъ горнаго совѣта и горнаго ученаго комитета, горный инженеръ генералъ-лейтенантъ Лука Соколовскій—всемилоостивѣйше уволены, согласно прошенію, отъ службы.

— Министерству народнаго просвѣщенія, по положенію комитета министровъ, предоставлено, по словамъ «Пет. Лист.», учреждать въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ ссудо-сберегательныя кассы для служащихъ, по предварительному соглашенію относительно кредитныхъ операций кассъ съ министерствомъ финансовъ.

— Одесскій генералъ-губернаторъ назначилъ коммисію изъ свѣдущихъ лицъ и изъ членовъ городской управы подъ предсѣдательствомъ градоначальника. Коммисіи этой поручено озаботиться заготовленіемъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и посѣвныхъ сѣмянъ для тѣхъ переселенцевъ, которые въ будущемъ году отправляются изъ Одессы въ Южно-Уссурійскій край.

— Башкиры Верхнеуральскаго уѣзда Кубелякъ-Телевской волости подали жалобу оренбургскому губернатору на истребленіе ихъ лѣсовъ бѣлорѣцкими заводами. По слухамъ, убытокъ башкировъ простирается до 85,000 рублей.

— Налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ въ 54 губерніяхъ и 5 областяхъ Россіи опредѣленъ на предстоящій 1883 годъ въ размѣрѣ 4.122.651 руб., въ томъ числѣ основного налога 2.214.826 р. и дополнительнаго на квартирную повинность 1.907.825 руб.

— Херсонское губернское земское собраніе рѣшило ходатайствовать о скорѣйшемъ открытіи Харьковскаго технологическаго института, имѣющаго важное значеніе для всей Южной Россіи.

— «Новости» передаютъ, что въ Петербургѣ проектируется учрежденіе новаго благотворительнаго общества, на подобіе такого же учрежденія, основаннаго въ Одессѣ. Главная цѣль предполагаемаго общества будетъ состоять въ матеріальномъ поощреніи польской учащейся молодежи въ столицѣ.

— Министерство путей сообщенія рѣшило съ весны будущаго года приступить къ работамъ по прорытію соединительнаго канала между рѣками Обью и Енисеемъ. Одновременно будетъ приступлено, по словамъ «Моск. Вѣд.», къ очищенію этихъ рѣкъ отъ мелей и камней. На первое время министерство ассигнуетъ 600.000 рублей.

— Въ Скерневицахъ скончался надняхъ филологъ, членъ академіи наукъ, Петръ Павловичъ Дубровскій. Покойный редактировалъ и издавалъ журналъ «Jutrzenka» («Заря») посвященный славянскимъ дѣламъ, на русскомъ и польскомъ, языкахъ; издалъ также книгу для обученія чтенію по-русски указатель къ составленію дѣловыхъ бумагъ и писемъ на русскомъ языкѣ, польско-русскій словарь административныхъ и судебныхъ словъ, описаніе Варшавы на русскомъ языкѣ и т. д.

— Извѣстный нашъ ученый, д-ръ Дыбовскій, прославившійся изслѣдованіемъ природы Сибири, особенно Забайкальскаго края, приглашенъ на кафедру профессора естественныхъ наукъ въ львовскій университетъ. Д-ръ Дыбовскій живетъ въ Петропавловскѣ, на Камчаткѣ, куда онъ отправился для научныхъ изслѣдованій. Въ 1830 г. д-ръ Дыбовскій былъ сосланъ въ Сибирь за участіе въ польской революціи. Затѣмъ, получивъ помилованіе, онъ вернулся было, на короткое время, на родину, но начатая имъ изслѣдованія природы сѣвера тянули его обратно на сѣверъ, и онъ съ удо-

вольствіемъ принялъ постъ городского врача въ Петропавловскѣ, несмотря на сдѣланныя ему гораздо болѣе выгодныя предложенія. Д-ръ Дыбовскій состоитъ членомъ Императорскаго Географическаго Общества, гдѣ и печатаетъ свои труды. Кромѣ того, участвуетъ во многихъ польскихъ и иностранныхъ журналахъ.

Замѣтка о первомъ провинціальномъ журналѣ „Уединенный Пошехонецъ“.

Ярославль можетъ гордиться, какъ родина русскаго театра. Это — фактъ общеизвѣстный. Но едва-ли многіе знаютъ, что Ярославлю принадлежитъ другая честь, другая заслуга, хотя и менѣе важная, чѣмъ первая, однако, все-таки, заслуга почтенная предъ отечествомъ.

Разумѣемъ изданіе здѣсь, въ Ярославлѣ, перваго (по времени) русскаго провинціального журнала: «Уединенный Пошехонецъ», основаннаго при Екатеринѣ II, въ 1786 г., довольно извѣстнымъ тогда труженикомъ-стихотворцемъ Василиемъ Демьяновичемъ Санковскимъ, секретаремъ приказа общественнаго призрѣнія. Благодаря ему, а также ярославскому и вологодскому намѣстнику Алексею Петровичу Мельгунову, — личности исторической, игравшей особенно важную роль при Петрѣ III, — Ярославль, первый изъ русскихъ провинціальныхъ городовъ, получилъ возможность имѣть свой печатный органъ.

Здѣсь не мѣсто говорить о достоинствахъ и недостаткахъ названнаго журнала. На него, конечно, слѣдуетъ смотрѣть ужъ никакъ не съ точки зрѣнія современной литературной критики. Такъ (скажемъ для сравненія), ни одинъ изъ нынѣшнихъ моряковъ не рѣшится хвалить или оуждать «дѣдушку русскаго флота» и дѣлать какія-либо сравненія между нимъ и настоящимъ его потомствомъ. «Уединенный Пошехонецъ» былъ «дѣдушкой» русской провинціальной печати, зародившейся въ Ярославлѣ. Вотъ и все. Этими словами ясно опредѣляется его библиографическое значеніе и право на уваженіе къ нему со стороны его многочисленнаго, хотя, къ сожалѣнію, еще слабого и далеко не повсемѣстнаго потомства, иначе сказать—со стороны русской провинціальной журналистики.

Думается, что она, изъ уваженія къ себѣ и къ своему отдаленному предку—«Уединенному Пошехонцу», отпразднуетъ столѣтній юбилей его въ недалекомъ будущемъ, именно въ январѣ 1886 года.

Исполнится ли это задушевное желаніе наше, какимъ образомъ и гдѣ, мы не вѣдаемъ. Конечно, всего приличнѣе было бы отпраздновать этотъ скромный, но многозначительный юбилей на мѣстѣ родины русскаго провинціального печатнаго органа, т.-е. въ Ярославлѣ, съ участіемъ представителей мѣстныхъ ученыхъ и литературныхъ силъ, а также города и земства, при добрыхъ «гостяхъ»—иностранныхъ журналистахъ. Но, не вдаваясь въ напрасныя мечты, мы считаемъ своей обязанностью заблаговременно напомнить тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, т.-е. нашимъ собратамъ—потомкамъ «Уединеннаго Пошехонца», что на всѣхъ ихъ лежитъ нравственный долгъ почтить, такъ или иначе, память перваго (по времени) провинціального журналиста, Василия Демьяновича Санковскаго. Право, стыдно и грѣшно забывать нашихъ литературныхъ пионеровъ! — Ярославцы же, если позабудутъ ихъ, совершатъ двойной грѣхъ, ибо «Уединенный Пошехонецъ», кромѣ своего библиографическаго обще-русскаго значенія, имѣетъ еще значеніе туземное, мѣстное. Въ этомъ журналѣ встрѣчается много такихъ статей, которыя и нынѣ могутъ пригодиться для исторіи и «исторической статистики» нашего ярославскаго края. Въ немъ печатались матеріалы, такъ сказать, земскіе—въ видѣ очерковъ всей губерніи и отдѣльныхъ ея уѣздовъ. Все это «предавалось тисненію съ указаго дозволенія» на маленькихъ листочкахъ сѣрой бумаги... Но мы не смѣемъ надъ ними; напротивъ, мы смотримъ съ невольнымъ уваженіемъ на эти сѣрые листочки, которые теперь составляютъ величайшую библиографическую рѣдкость.

Слѣдуетъ вновь воспроизвести эту рѣдкость, для того, чтобы она не исчезла окончательно, какъ исчезли, напримѣръ, для большинства любителей старины нѣкоторыя періодическія изданія Екатерининскаго времени. Если на это возразятъ намъ, что ихъ можно найти въ Императорской публичной библиотекѣ, то такое замѣчаніе въ сущности ничего не значитъ: не каждый изъ насъ,—уважающихъ памятники литературной старины,—можетъ отправиться въ означенное книгохранилище и познакомиться тамъ съ ними, болѣе или менѣе тщательнымъ образомъ. Вотъ

почему русская читающая публика и отнеслась сочувственно къ трудамъ нашихъ лучшихъ библиографовъ. Разумѣемъ П. А. Ефремова, А. Н. Неустроева и покойнаго Афанасьева. Ими изданы вновь, между прочимъ: «Трутенъ», «Пустомеля», «Живописецъ», «Кошелекъ», «Поденищина», «С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости на 1777 годъ» и нѣк. др. Почти всѣ эти новыя изданія составляютъ теперь уже сами библиографическую рѣдкость.

Что касается «Уединеннаго Пошехонца», то намъ извѣстны всего лишь три-четыре экземпляра; но всѣ они неполны: утрачены не только отдѣльныя страницы, но и цѣлые нумера. Составляя свой весьма почтенный трудъ: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1803 года» (Спб., 1874), г. Неустроевъ встрѣтилъ затрудненіе относительно «Уединеннаго Пошехонца», который хотя и оказался въ Императорской публичной библиотекѣ, «но, увы! (писалъ намъ г. Неустроевъ) съ большими недостатками». Намъ было пріятно сдѣлать, въ этомъ случаѣ, посильную услугу почтенному библиографу*). Затѣмъ мы напечатали въ «Русскомъ Архивѣ» (1879 г.) довольно обширное изслѣдованіе объ «Уединенномъ Пошехонцѣ»,—а нынѣ заявляемъ предъ русскими читателями твердое намѣреніе издать этотъ журналъ въ непродолжительномъ времени, однако при нѣкоторыхъ (далѣе высказанныхъ) условіяхъ.

Перепечатка будетъ сдѣлана самая тщательная, изъ буквы въ букву, съ соблюденіемъ довольно-своеобразной орфографіи этого журнала и даже съ сохраненіемъ «погрѣшностей» (опечатокъ), кромѣ лишь тѣхъ, которыя оговорены были самимъ редакторомъ его, Санковскимъ**). Къ сожалѣнію, типографскія условія не позволятъ намъ приступить ко второму изданію въ форматѣ перваго изданія; отсюда неминуемо произойдетъ между ними разница въ страницахъ. Только въ этомъ и будетъ заключаться несходство изданій 1786 и 1883 годовъ,—несходство, думаемъ, маловажное и способное огорчить развѣ только однихъ «отчаянныхъ библиомановъ», но ужъ никакъ не разумныхъ библиофиловъ. Между нами, какъ извѣстно, лежитъ цѣлая бездна.

Замѣтимъ еще, что для предположеннаго нами изданія мы воспользуемся экземпляромъ, который нѣкогда принадлежалъ самому редактору «Уединеннаго Пошехонца», что доказывается автографическими поправками Санковскаго***). Лучше, полнѣе этого экземпляра нигдѣ, смѣемъ предполагать, не имѣется.

Итакъ, мы высказали наше намѣреніе возсоздать «первообразъ» того журнала, отъ котораго должна вести свою генеалогію русская провинціальная журналистика. Дѣло будетъ исполнено добросовѣстно, старательно, насколько это зависитъ отъ нашего умѣнья. Тѣнь перваго журналиста-провинціала Василия Демьяновича Санковскаго не упрекнетъ насъ за торопливую, небрежную работу. Любители книжной старины, авось, такъ же скажутъ намъ спасибо. Но вотъ роковой вопросъ: много ли ихъ у насъ въ Россіи, и поддержать ли они наше изданіе?—Безъ этой же поддержки оно немислимо. Далекіе отъ надежды на матеріальныя выгоды, мы, однакожъ, не рѣшались дѣйствовать здѣсь на «авось». За это насъ упрекнула бы сама вышеозначенная «тѣнь», которая, будучи «плотью» въ 1786 году, по собственному ея признанію, встрѣчала множество «житейскихъ обстоятельствъ». (См. стихотвореніе Санковскаго «Охъ!» въ «Уед. Пошех.», № 9, стр. 568—577). Право, не большое будетъ удовольствіе, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, если издателю (говоримъ о себѣ) придется продать только два-три десятка книгъ, всѣ же остальные экземпляры осудить на аутодафе, или, что нисколько не лучше, спустить ихъ въ лавочки, для заворачиванія мыла и ваксы. Вовсе не желательно (да и накладно, скажемъ откровенно) уподобляться одному изъ творцовъ «одъ» Екатерининскаго времени:

*) О другомъ ярославскомъ журналѣ: «Ежемесячное Сочиненіе» (1787 г.), служившемъ продолженіемъ «Уединеннаго Пошехонца», г. Неустроевъ замѣчаетъ, что «этого журнала ни въ одной библиографіи не значится; его не нашли мы и ни въ одной изъ петербургскихъ библиотекъ». — Указаніе на «Ежемесячное Сочиненіе», съ описаніемъ его содержанія, получено г. Неустроевымъ отъ насъ же. Л. Т.

**) Въ предисловіи мы помѣстимъ его біографію, основанную на рукописныхъ и печатныхъ источникахъ. Л. Т.

***) Экземпляръ этотъ потомъ принадлежалъ покойному ярославскому любителю древностей, письменныхъ и печатныхъ, купцу Егору Васильевичу Трехлѣтову, и, наконецъ, путешествуя изъ рукъ въ руки, достался намъ, по счастливой случайности, впрочемъ, за хорошую цѣну. Л. Т.

...И оду ужъ его тисненью предають,

И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продають...

Разсчитывать исключительно на мѣстную, ярославскую публику... нѣтъ, это слишкомъ страшно! «Никто въ своемъ отечествѣ пророкомъ не бывалъ...» Это—горькая, но святая истина, не въ обиду будь сказано нашимъ родичамъ-туземцамъ. Остается надежда на иногородныхъ подписчиковъ, преимущественно на лицъ, болѣе или менѣе близкихъ къ провинціальной журналистикѣ. Авось хоть они-то поинтересуются узнать: «А каковъ-то былъ нашъ дѣдушка «Уединенный Пошехонецъ»? А о чемъ же онъ толковалъ, и какъ толковалъ?»

...Толковалъ онъ (худо ли, хорошо ли,—разумѣется, это иной вопросъ) весьма о многомъ. Программа его была, по тому времени, довольно обширная. Напримѣръ, въ нее входили «достопамятныя происшествія въ здѣшней странѣ (т. е. въ Ярославской губерніи) издревле и нынѣ». Затѣмъ былъ отдѣлъ «благотворительныхъ и челоуколюбивыхъ дѣяній, оказанныхъ частными людьми къ общественной пользѣ». Помѣщались въ «Уединенномъ Пошехонцѣ», по примѣру тогдашнихъ столичныхъ изданій, «разныя духовныя, философическія, нравоучительныя и историческія сочиненія». Кромѣ того, въ ярославскомъ «ежемесячномъ сочиненіи» давалось мѣсто статьямъ, «до естественной исторіи, домоводства и до наукъ принадлежащимъ». Въ продолженіи года составила объемистая книжка въ 782 стр., о которой и идетъ наша рѣчь.

Заканчивая ее, эту рѣчь, слѣдующимъ предложеніемъ, обращеннымъ къ любителямъ и цѣнителямъ отечественной книжной старины:

1) Второе изданіе «Уединеннаго Пошехонца» выйдетъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ: отъ 400 до 450, не болѣе. Еслибъ (сверхъ ожиданія) число пренумерантовъ оказалось больше, то и въ этомъ случаѣ мы остановимся на означенной послѣдней цифрѣ, какъ удовлетворяющей вполнѣ наши (далеко не эгоистическіе) расчеты и въ то же время очень близкой къ количеству экземпляровъ перваго изданія названнаго журнала. Для библиографической цѣли, которую мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, вовсе не требуется большого числа пренумерантовъ.

2) Выйдетъ это изданіе въ 1883 году лишь въ томъ случаѣ, если заблаговременно (не далѣе 1-го декабря сего 1882 года) нижеподписавшійся получитъ заявленія отъ подписчиковъ (но безъ приложенія денегъ) по-крайней-мѣрѣ на 350 экземпляровъ. — Для отвѣтовъ требуется почтовая марка. — Получивъ къ означенному сроку упомянутыя заявленія, мы немедленно приступимъ къ печатанію, съ полной увѣренностью, что подписка состоялась, и что пренумеранты не замедлятъ высылкою денегъ, по первому нашему требованію. — Книга выйдетъ въ мартѣ 1883 года.

3) Цѣна за экземпляръ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою по почтѣ — 2 руб. Выписывающіе болѣе трехъ экземпляровъ за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ, кромѣ того, дѣлается уступка отъ 10-ти до 20%, смотря по числу требуемыхъ экземпляровъ и по взаимному соглашенію, но безъ отдачи на комиссію.

4) Адресъ: Ярославль, въ губернскую управу, въ редакцію «Вѣстника Ярославскаго Земства», Леовиду Николаевичу Трефолеву.

Мы будемъ глубоко обязаны редакціямъ тѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ изданій, которыя познакомятъ своихъ читателей съ настоящею «замѣткой». Безъ этого благосклоннаго участія она можетъ остаться гласомъ вопіющаго въ пустынь. Тогда, поневоля, придется сказать, обратившись къ «Уединенному Пошехонцу»:

Спи, милый прахъ, до радостнаго утра!

Когда же засіяетъ «это радостное утро», о томъ мы скромно умалчиваемъ; но вѣримъ, что оно когда нибудь да наступитъ для правнучатъ нашего добраго, хотя наивнаго столѣтняго старца, «Уединеннаго Пошехонца», желающаго вновь выглянуть въ Ярославль на божій—земскій свѣтъ.

Л. Трефолевъ.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 2 ноября. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 24 пенс. за рубль, на Парижъ 252 сант., на Гамбургъ 204 пфен. Полуимперіалы 8 р. 23 к., рубли серебр. 1 р. 40 к.; 5% бил. Госуд. Банка 1 вып. 95, 2 вып. 91, 3 вып. 90¹/₂, 4 вып. 90¹/₂, 5 вып. 90¹/₄. Восточный заемъ 88¹/₂, 5% Первый выигр. заемъ 212¹/₂, Второй

выигр. заемъ 204¹/₄. Облиг. Спб гор. кред. общ. 84⁷/₈/ Моск. гор. кред. общ. 84¹/₂, 5% закл. лист. общ. взаим. позем. кред. (металл.) 130¹/₂, 5¹/₂ % рента 97³/₄, 6% закл. лист. Тулск. зем. банка 94, Моск. зем. банка 97¹/₄, Сар.-Сиб. зем. банка 78, Тифлиск. зем. банка 86. Акц. Сиб. торг. банка 338, акц. парох. общ. «Кавк. и Мерк.» 465, акц. парох. общ. «Самолетъ» 190, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. 248¹/₂, акц. Рыб.-Бол. ж. д. 60³/₄, акц. Грязе-Цариц. ж. д. 84. Настроеніе биржи съ курсомъ слабое, съ бумагами тихое.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ

посвященная всеѣмъ отраслямъ клинической медицины и гігіены и всеѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1883 году по той-же программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ истекающемъ году, а именно:

1) Статьи по всеѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ неклиническихъ медицинскихъ наукъ, которые имѣютъ прямой практической интересъ.

2) Статьи по общественной и частной гігіенѣ.

3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности врачей.

4) Біографіи, некрологи и статьи по исторіи медицины, преимущественно русской.

5) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, касающихся программы «Врача».

6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересовать врачей.

7) Рефераты о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной прессы, какъ иностранной, такъ и русской.

8) Хроника всеѣхъ явленій русской и заграничной жизни, поскольку эти явленія представляютъ спеціальныи интересъ для врачей; слухи, правительственныя сообщенія.

9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ и объявленій о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора профессора Вячеслава Александровича Манассина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 14).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ, 9 руб.; за полгода 4 р. 50 к. Подписка принимается у издателя—Карла Леопольдовича Риккера (Петербургъ, Невскій, 14).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„ЭХО“

въ 1883 г.

Въ будущемъ, второмъ году своего существованія, газета «Эхо» будетъ издаваться въ томъ же (большомъ) форматѣ, по той же программѣ (программѣ всеѣхъ большихъ газетъ), подъ той же редакціею и при участіи какъ нынѣшнихъ, постоянныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Годовая цѣна за газету (съ 1-го января 1883 по 1-е января 1884 г.) 10 руб. за полгода—6 руб., за три мѣсяца—3 руб., за 1 мѣсяць—1 руб.

Контора редакціи отвѣчаетъ за исправную доставку въ томъ только случаѣ, когда подписчикъ выписалъ газету прямо изъ конторы редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ по Надеждинской улицѣ, домъ № 9, кв. 21.

Редакторъ А. В. Старчевскій.